

цев не рубить, а колоть. 13. Новобранцев надо учить тактике. 14. Новобранцев надо упражнять в бросании копий. 15. Новобранцы старательно должны изучать метание стрел. 16. Должно упражнять новобранцев в бросании камней из пращи. 17. Об упражнении свинцовыми шарами. 18. Как надо учить новобранцев вскакивать на коня. 19. Надо приучать новобранцев носить тяжести. 20. Каким родом оружия пользовались древние. 21. Об укреплении лагеря. 22. В каких местах надо разбивать лагерь. 23. Как размеряется лагерь. 24. Как надо укреплять лагерь. 25. Как укреплять лагерь, когда враг грозит нападением. 26. Как обучать новобранцев, чтобы они в строю сохраняли ряды и интервалы. 27. Какое пространство должны они проходить в учебных походах вперед и назад и сколько раз в месяц упражняться, когда воины уходят в поход. [28. О побуждении к военному искусству и к римской доблести.]

Книга вторая

Вступление. 1. На сколько видов делится военное искусство. 2. Какая разница между легионами и вспомогательными отрядами. 3. Какая причина привела легионы к упадку. 4. Со сколькими легионами древние шли на войну. 5. Как организован легион. 6. Сколько когорт в одном легионе, а также сколько воинов в одной когорте. 7. Названия и степени низшего командного состава. 8. Названия тех, кто в древности командовал строем. 9. Обязанности префекта (начальника) легиона. 10. Обязанности начальника лагеря. 11. Обязанности начальника ремесленников. 12. Обязанности военных трибунов. 13. Центурии и отряды пехотинцев. 14. Отряды всадников, приписанных к легиону. 15. Как устраивается боевой строй легионов. 16. Как вооружены триарии или центурионы. 17. Когда началось сражение, тяжеловооруженные должны стоять, как стена. [18. Названия воинов и их ранг должны быть написаны на обороте их щитов.] 19. Кроме физической силы новобранцы должны зачи сляться за их умение читать и считать. 20. Половину денег, получаемых воинами в подарок от императора, они должны хранить для себя в войсковой казне. 21. Служебные повышения должны проходить в легионе так, чтобы повышаемые проходили по всем когортам. 22. Различие между горнистами, трубачами и играющими на рожках. 23. Упражнения воинов. 24. Примеры необходимости таких упражнений, заимствованные из других искусств. 25. Перечисление оружия и орудий легиона.

Книга третья

Введение. 1. Какой величины должно быть войско. 2. Как наблюдать за санитарным состоянием войска. 3. Забота о заготовке фуража и продовольствия. 4. Какие меры предосторожности надо предпринять, чтобы в войске не было мятежей. 5. Различные виды военных сигналов. 6. Какие предосторожности надо применять при передвижении войска на глазах неприятеля. 7. Как переходить более значительные реки. 8. Как устроить лагерь. 9. Что должно принимать во внимание, чтобы определить, нужно ли вести войну внезапными нападениями, вылазками и засадами, или же вступить в открытое сражение. 10. Что надо предпринять, если войско состоит из непривычных к бою воинов или из новобранцев. 11. О чем нужно позаботиться в самый день битвы. 12. Надо разузнать о настроении собирающихся вступить в сражение воинов. 13. Как выбрать удобное для сражения место. 14. Как устроить боевую линию, чтобы при столкновении войско оказалось непобедимым. 15. Законы промерки, на каком расстоянии в строю должен стоять один воин от другого и какое расстояние в глубину должно быть между отдельными рядами. 16. О размещении конницы. 17. О резервах, которые ставятся позади строя. 18. Место, где должен стоять первый военачальник, где второй, где третий. 19. Какими средствами в строю противодействовать доблести или хитростям врагов. 20. Сколькими способами может итти открытое сражение, и каким образом войско более малочисленное и слабое может одержать победу. 21. Надо предоставить врагам свободный путь к отступлению, чтобы тем легче погубить бегущих. 22. Как отступать на глазах у врагов, если будет решено не начинать сражения.

23. О верблюдах и бронированных всадниках. 24. Как бороться в строю с колесницами с косами или со слонами. 25. Что делать, если бежит все войско или часть его. [26. Сводка правил для ведения войны.]

Книга четвертая

Введение. 1. Города должны быть укреплены или природой или искусственно. 2. Стены нужно строить не прямые, а с выступами. 3. Как со стенами соединяется земляная насыпь. 4. Об опускающихся решетках и других предохранительных мерах для ворот, чтобы они не были сожжены. 5. О проведении рвов. 6. Меры, чтобы люди на стенах не страдали от неприятельских стрел. 7. Какие меры должно предусмотрительно предпринять, чтобы осажденные не страдали от голода. 8. Что должно быть заготовлено для защиты стен. 9. Что надо делать, если нехватает жил для орудий. 10. Меры, чтобы у осажденных не было недостатка в воде. 11. Если нехватает соли. 12. Что делать, если враги при первом же натиске врываются в стены города. 13. Перечисление машин, употребляющихся при осаде стен. 14. О таране, шесте с серпом, черепахе. 15. О vineях, плетнях и насыпи. 16. О «мускулах». 17. О движущихся башнях. 18. Как можно сжечь движущиеся башни. 19. Как увеличивается высота стен. 20. Как подкапывается земля, чтобы машина не могла вредить. 21. О лестницах, самбуке, экзостре и толлено. 22. О баллистах, онаграх, скорпионах, арбалетах, фестибалах, пращах и других метательных орудиях, которыми защищаются стены. 23. Против таранов помогают матрацы, петли, «волки», более тяжелые колонны. 24. О подкопах, при помощи которых или подкапываются стены или враги проникают в город. 25. Что должны делать горожане, если враги ворвались в город. 26. Какие меры предосторожности надо предпринять, чтобы враг тайно не захватил стен. 27. Как устраиваются засады против осажденных горожан. 28. Что делают осаждающие, чтобы не подвергнуться засадам со стороны горожан. 29. Какими видами метательных орудий защищается город. 30. Каким образом определяется величина лестниц или сооружаемых башен. 31. Правила для войны на море. 32. Имена ответственных предводителей, которые стоят во главе флота. 33. Откуда пошло название либурны. 34. С какою тщательностью надо строить либурны. 35. Какие правила надо соблюдать при валке леса. 36. В каком месяце надо рубить стволы деревьев. 37. Размеры либурн. 38. Имена и число ветров. 39. В какие месяцы спокойнее всего плавание. 40. Как должно следить за признаками бурь. 41. О предсказаниях погоды. 42. О морских волнениях, т. е. о приливах и отливах. 43. О знакомстве с местностями и о гребцах. 44. Об оружии и о метательных орудиях на кораблях. 45. Как в морской войне устраиваются засады. 46. Что делать, если война на море ведется открытым боем.

КНИГА ПЕРВАЯ

В древние времена был обычаем записывать результат своих работ над полезными науками и в виде книги преподносить их государям. Ведь ничто не может иметь удачного начала, если этому после бога не покровительствует император; с другой стороны, никому не полагается знать больше и лучше, чем государю, ученость которого может принести большую пользу его подданным. Что Октавиан Август и добрые государи после него охотно принимали такие посвящения, это доказывается многими примерами. Так, получая поощрения правителей, возросло красноречие, пока не навлекло на себя упреков в дерзости. И я также, поощряемый этими примерами и видя, что милость ваша, скорее чем кто-либо другой, может извинить мою смелость заняться литературными работами, почти забыл, насколько я ниже древних писателей. Правда, в этой маленькой работе не требуются ни особо изысканные выражения, ни острота ума, а лишь прилежный

и добросовестный труд; поэтому я взялся изложить на пользу Риму то, что рассеяно у различных историков, учивших нас военному делу, и, вкрапленное в их произведения, осталось до сих пор неизвестным. Итак, рассказывая о наборе и упражнениях новобранцев, попытаюсь последовательно, по известным рангам и разделам показать старинные обычаи; не потому, чтобы тебе, непобедимый император, это, как могло бы показаться, было неизвестно, но чтобы ты знал, как уже в древние времена усиленно и со всей тщательностью заботились основатели римской империи обо всем том, что ты сам по себе делаешь на благо государству, и чтобы в этой маленькой книжечке ты нашел все то, о чем ты считаешь нужным справиться касательно важнейших и всегда необходимых дел.

1. Мы видим, что римский народ подчинил себе всю населенную только благодаря военным упражнениям, благодаря искусству хорошо устраивать лагерь и своей военной выучке. В чем другом могла проявить свою силу горсть римлян против массы галлов? На что другое могли опереться низкорослые римляне в своей смелой борьбе против рослых германцев? Совершенно очевидно, что и испанцы превосходили наших не только численностью, но и телесной силой. Мы никогда не были равны африканцам ни хитростью, ни богатствами. Никто не станет оспаривать, что в военном искусстве и теоретическом знании мы уступали грекам. Зато мы всегда выигрывали тем, что умели искусно выбирать новобранцев, учить их, так сказать, законам оружия, закалять ежедневным упражнением, предварительно предвидеть во время упражнений в течение лагерной жизни все то, что может случиться в строю и во время сражения, и, наконец, сурово наказывать бездельников. Знание военного дела питает смелость в бою: ведь никто не боится действовать, если он уверен, что хорошо знает свое дело. В самом деле, во время военных действий малочисленный, но обученный отряд всегда гораздо скорее добьется победы, тогда как сырая и необученная масса всегда обречена на гибель.

2. По самой сути дела требуется разобрать прежде всего вопрос о том, из каких провинций или народов должно набирать молодых солдат. Конечно, всюду есть и лентяи и энергичные люди. Однако некоторые племена превосходят другие в военном отношении, да и самый климат под разными небесами имеет большое значение для сил человека не только телесных, но и душевных. Поэтому не оставим здесь без упоминания того, что получило одобрение со стороны ученейших людей. Все племена, которые живут по соседству с солнцем, сожженные его палящими лучами, правда, обладают большим умом, но, как о них говорят, имеют меньше крови и потому не обладают твердостью и упорством в рукопашном бою: они боятся ран, так как знают, что в них мало крови. Напротив, северные народы, удаленные от горячих лучей солнца, хотя и менее разумны, но зато полнокровны и всегда особенно склонны к битвам. Поэтому новобранцев надо набирать из стран с умеренным климатом, из людей, у которых достаточно крови, чтобы презирать раны и самую смерть; но не лишены они и благоразумия, которое дает им возможность сохранять умеренность в лагерной жизни и немало помогает принимать разумные решения в бою.

3. Затем посмотрим, какой новобранец полезнее: из деревни или из города? В этом отношении, думаю, никогда не придется сомневаться, что для военного дела больше подходит народ из деревни—все, кто воспитан под открытым небом, в труде, выносив к солнечному жару, не обращает внимания на ночную сырость, не знает бань, чужд роскоши, простодушен, довольствуется малым, чье тело закалено для перенесения всяких трудов, у кого еще из деревенской жизни сохранилась привычка носить железные орудия, копать рвы, таскать тяжести. Но иногда необходимость требует привлечь к военной службе также и горожан, которые, как

только они записались в военную службу, прежде всего должны учиться работать, бегать, носить тяжести, переносить солнце и пыль, довольствоваться скудной и грубой пищей, оставаться или под открытым небом или в легких палатках. Только после этого их нужно обучать пользоваться оружием, и, если предстоит более далекий поход, их нужно держать главным образом в пограничных лагерях и в пикетах, вдали от соблазнов города, с тем чтобы таким образом развились и укрепились их силы, и телесные и душевные. Правда, должно признать, что после основания города римляне всегда ходили на войну из города; но тогда они не были испорчены никакими роскошествами [пот, который покрывал молодежь после бега и упражнений на поле, она омывала, плавающая в Тибре]; один и тот же человек был и воин и земледelec, меняя таким образом лишь вид оружия. И это правильно до такой степени, что диктатура, как известно, была предложена Квинкцию Цинциннату тогда, когда он пахал землю. Таким образом, можно видеть, что главную силу войска надо пополнять <набором> из деревенских местностей; не знаю почему, но меньше боится смерти тот, кто меньше знает радостей в жизни.

4. Теперь посмотрим, какого возраста надо набирать воинов. Действительно, если надо сохранить древний обычай, то всякий хорошо знает, что к набору надо привлекать людей в начале их возмужалости; не только скорее, но и лучше усваивается то, что изучают с юных лет. Затем, военную подвижность и ловкость, умение прыгать и бегать надо развить раньше, чем тело с возрастом станет вялым. Подвижность—это то, что после пройденного ряда упражнений делает бойца энергичным. Поэтому выбирать надо юношей, как говорит и Саллюстий: «Молодежь, выносившая на войне, в трудах лагерной жизни училась военному делу». Ведь лучше, чтобы юноша, пройдя курс обучения, мог сожалеть о том, что он еще не достиг возраста, нужного для бойца, чем скорбеть о том, что это время прошло. Весь курс обучения должен иметь свой продолжительный срок. Пусть не считают незначительным или легким искусство владеть оружием, если хочешь стать всадником, или пехотинцем-стрелком, или щитносцем, необходимо изучение всех видов и приемов владеть оружием, чтобы не покидать места, не ломать рядов, мешая сотоварищам, бросать метательное копьe с большой силой в намеченную цель, проводить ров, уметь искусно вбивать колья, обращаться со щитом, косым ударом отклонять летящие копья, предусмотрительно избегать удара, смело его наносить. Для молодого воина, обучившегося всему этому, сражаться в строю с любым врагом—не страх, а удовольствие.

5. Я знаю, что всегда существовали определенные требования относительно роста новобранцев по точной мерке, так что считался хорошим рост в 6 футов или по крайней мере в $5 \frac{10}{12}$ фута для всадников из фланговых отрядов и для первых когорт легионов. Но тогда был более широкий выбор и больше народу стремилось поступить на военную службу; также и из городского населения гражданские должности не отнимали от военной профессии наиболее цветущей части молодежи. Таким образом, если этого требует необходимость, следует обращать внимание не столько на рост, сколько на силу. [И по свидетельству самого Гомера <Ил., V, 801>, это можно считать справедливым; ведь он говорит, что Тидей хотя и был ниже ростом, но по оружию—более сильным.]

6. Кто будет проводить набор, пусть особенно обращает внимание на то, чтобы выбрать по выражению лица, по взгляду, по всему строению тела тех, кто может достойно пополнить ряды бойцов. Ведь не только у людей, но также у лошадей и собак их достоинства обнаруживаются по многим признакам, как это поняла наука, установленная учеными людьми.

[Так, Мантуанский поэт говорит, что это должно наблюдать также и по отношению к пчелам (Сельские поэмы, IV, 92):

Двух они разных пород: один—лучше, заметен он с виду,
в ясных чешуйках блестит; другой же гнусен от лени
и свой широкий живот тяжело, обесславленный, тащит.]

Пусть же юноша, которому предстоит отдаться делу Марса, будет с живыми глазами, прямой спиной, широкой грудью, мускулистыми плечами, крепкими руками, длинными пальцами, умеренным животом; задние части у него должны быть более худые, икры и ноги не чрезмерно толсты от мяса, но подобраны в крепкие узлы мышц. Если ты увидишь все эти признаки в новобранце—не гонись чрезмерно за ростом: больше пользы в сильных воинах, чем в высоких.

7. Далее, исследуем, лица каких занятий должны быть выбраны или отвергнуты как воины. Рыболовов, птицеловов, кондитеров, ткачей и всех тех, кто, как можно видеть, занимался делами, имеющими отношение к женским покоем, я полагаю, нужно гнать из лагеря; напротив, кузнецов, тележных мастеров, мясников, охотников за оленями, кабанами следует привлекать к военной службе. Благо государства в целом зависит от того, чтобы новобранцы набирались самые лучшие не только телом, но и духом; все силы империи, вся крепость римского народа основываются на тщательности этого испытания при наборе. Эту обязанность на надо считать легкой или поручать ее первому попавшемуся; у древних среди многих достоинств этим умением, как известно, прославился и Серторий. Ведь молодежь, которой должна быть поручена защита провинций и судьбы войн, должна отличаться и по своему происхождению, если представляется для выбора достаточное количество народа, и по своим нравам. Чувство чести делает воина наиболее подходящим, чувство долга, мешая ему бежать, делает его победителем. Какая польза обучать труса, когда большую часть времени своей военной службы он проведет сидя в лагере? Никогда длительность службы в войске не исправит недочета, допущенного при испытании новобранцев во время набора. И насколько мы знаем это и по опыту и на исторических примерах, самые сильные поражения были нанесены везде и всюду тогда, когда вследствие долгого мира набор воинов производился без большой осмотрительности и все более достойные молодые люди шли работать в гражданских должностях. Иногда новобранцы, (поставить) которых предписано было владельцам крупных имений, по протекции или по умышленной небрежности отборщиков берутся на военную службу такие, которыми тяготеял сами хозяева. Поэтому следует, чтобы подходящая для войска молодежь отбиралась крупными людьми и с большой тщательностью.

8. Но не тотчас новобранец, принятый по набору, должен получать военную метку; сначала он должен быть испытан упражнением, чтобы можно было определить, действительно ли он подходит к такому делу. Нужно исследовать, думаю, его подвижность и силу, способен ли он научиться владеть оружием, обладает ли он нужной для бойца смелостью. Многие хотя с виду и кажутся вполне приемлемыми, при испытании оказываются совершенно неподходящими. Поэтому нужно отвергнуть менее нужных и на их место следует избрать наиболее энергичных. Ведь при всяком столкновении имеет значение не столько количество воинов, сколько их доблесть.

Когда новобранцы таким образом занесены в списки, их надо обучать при помощи ежедневных упражнений искусству владеть оружием. Но небрежность, явившаяся результатом долгого спокойствия, уничтожила применение этого метода. Кого можно найти, чтобы он научил воинов тому,

чего он сам не знает? Поэтому указания на древние правила и обычаи нам нужно искать в историях или (в специальных) книгах. Но первые описывали нам только военные события и результаты войн, оставляя в стороне, как всем известное, то, что мы теперь разыскиваем. Правда, и лакедемоняне, и афиняне, и другие греки написали целые книги о многом, что относится к тактике, но мы должны исследовать военное искусство римского народа, который свои первоначально столь ничтожные пределы расширил как империю почти до грани солнца, до конца самого мира. Эта необходимость заставила меня, перелистав многих авторов, изложить с возможной точностью в своей маленькой работе то, что написал о военном искусстве знаменитый Катон-цензор, на что с большой настойчивостью указывали Корнелий Цезель и Фронтин, что изложил в своих книгах Платерн, этот неутомимый представитель и защитник военного права, что можно извлечь из распоряжений Августа, Траяна и Адриана. Себе я не приписываю никакого особого авторитета в этих делах, но рассеянные всюду замечания тех лиц, которых я назвал выше, я передаю в определенном порядке, можно сказать, давая краткое их изложение.

9. Как бы первым посвящением к военной подготовке новобранцам должно служить обучение военному шагу. Больше всего следует заботиться и во время похода и в боевом строю о том, чтобы все воины сохраняли правильные ряды при движении. А этого возможно достигнуть только в том случае, если благодаря постоянному упражнению они будут учиться двигаться быстро и ровно. Всегда наибольшей опасности подвергается войско разделившееся и не держащее крепких рядов. Военным шагом в 5 летних часов может быть пройдено 20 миль. Полным шагом, более быстрым, в то же количество часов проходят 24 мили. Все то, что свыше этого, является бегом; определить расстояние, проходимое при этом, невозможно. Особенно к бегу должны быть приучены молодые воины, чтобы большим натиском они нападали на врага, чтобы в надлежащий момент они быстро могли занять удобные позиции и тем предупредить врагов, которые собирались сделать то же самое, чтобы они быстро и бодро шли на разведку и еще быстрее возвращались, чтобы с большей легкостью ударили в тыл отступающего и бегущего врага. Воин должен быть обучен постоянным упражнением и прыганью, — перепрыгивать через рвы и преодолевать всякое мешающее возвышение, с тем чтобы, если встретятся подобные трудности, воины могли без труда преодолеть их. Кроме того, если во время самого столкновения, когда пущено в ход оружие, под градом стрел боец двигается бегом, скачками, то он поражает и ослепляет глаза неприятеля, устрашает его ум и наносит ему удар раньше, чем тот успеет приготовиться, чтобы защититься или отразить его. Об упражнении Гнея Помпея Великого Саллюстий упоминает в таких выражениях: «С ловкими он соревновался в прыганье, с быстрыми — в беге, с сильными — в борьбе на штанге» Ведь иначе он не мог бы сравняться с Серторием, если бы постоянными упражнениями он не подготовил и себя и войско к сражениям с ним.

10. В равной мере всякий новобранец должен в летние месяцы изучить искусство плавания. Ведь не всегда реки переходят по мостам, но зачастую и отступающее и наступающее войско бывает вынуждено переправляться вплавь. Часто вследствие внезапных дождей или таяния снегов разливаются горные потоки. Неумение плавать в таких случаях ставит войско в опасное положение не только со стороны неприятеля, но и со стороны самих этих потоков. Потому-то древние римляне, которых множество проведенных ими войн и постоянные опасности обучили всякому военному искусству, выбрали Марсово поле по соседству с Тибром, чтобы молодежь после упражнений с оружием омывала в этой реке пот и пыль и свою усталость

от беганья прогнала трудом плаванья. И не только пехотинцев, но и всадников, даже их коней, маркитантов и обозных служителей, которых называют галиариями, в высшей степени хорошо приучать к плаванью, чтобы в нужный момент с ними, неопытными, не случилось чего-либо плохого.

11. Древние, как написано в их книгах, следующим образом вели упражнения с новобранцами. Они сплетали из прутьев, наподобие плетня, закругленные щиты, с тем чтобы этот «плетень» весил вдвое больше, чем обыкновенный, государством установленный щит. Равным образом вместо мечей новобранцам давались деревянные дубины тоже двойного веса. И вот таким образом не только утром, но и после полудня они упражнялись на деревянных чучелах. Применение чучел важно не только для воинов, но очень много пользы приносит и для гладиаторов. Никогда еще ни на песке арены, ни на поле битвы никто не оказывался непобедимым воином, если он со всем прилежанием не упражнялся и не учился искусству на чучелах. Каждый отдельный новобранец должен был вбить для себя в землю такое отдельное деревянное чучело, так чтобы оно не качалось и имело 6 футов в высоту. Против этого чучела, как бы против своего настоящего врага, упражняется новобранец со своим «плетнем» и с дубиной, как будто с мечом и щитом; он то старается поразить его в голову и лицо, то грозит его бокам, то, нападая на голени, старается подрезать ему подколенки, отступает, наскокивает, бросается на него, как на настоящего врага; так он проделывает на этом чучеле все виды нападения, все искусство военных действий. При этих предварительных упражнениях всегда особенное внимание обращалось на то, чтобы новобранец, стремясь нанести рану, сам не открывал ни одной части своего тела и не подставлял ее для удара.

12. Кроме того они учились бить так, что не рубили, а кололи. Тех, кто сражался, нанося удары рубя, римляне не только легко победили, но даже осмеяли их. Удар рубящий, с какой бы силой он ни падал, не часто бывает смертельным, так как жизненно важные части тела защищены и оружием и костями; наоборот, при колющем ударе достаточно вонзить меч на два дюйма, чтобы рана оказалась смертельной, но при этом необходимо, чтобы то, чем пронзают, вошло в жизненно важные органы. Затем, когда наносится рубящий удар, обнажаются правая рука и правый бок; колющий удар наносится при прикрытом теле и ранит врага раньше, чем тот успеет заметить. Вот почему в сражениях римляне пользовались преимущественно этим способом; двойного веса этот плетеный щит и дубина давались для того, чтобы новобранец, получив настоящее, более легкое оружие, как бы избавившись от более тяжелого груза, сражался спокойнее и бодрее.

13. Кроме того новобранец должен глубоко и тщательно изучить тот вид упражнения, который называют тактикой и о котором передают нам экзерцирмейстеры; эта практика отчасти сохраняется и доньше. Ведь известно, что и теперь во всех сражениях те, кто умеет делать построения, сражаются лучше, чем остальные. Отсюда можно понять, насколько обученный воин лучше необученного, так как обученные тактике, как и всегда, превосходят всех своих сотоварищей в искусстве боя. У наших предков строго сохранялись подобного рода упражнения, и они придавали им такое значение, что те, кто учил, как пускаться в ход оружие, вознаграждались даже двойным жалованьем, а воины, которые в этих предварительных упражнениях выказали мало успехов, вместо зерна получали ячмень, и их переводили на пшеничный паек не раньше, чем они в присутствии начальника легиона, трибунов и старших командиров на практике докажут, что способны выполнить все, чего требовало военное искусство. Нет государства сильнее, счастливее и славнее, чем то, которое богато обученными воинами. Ведь ни блеск наших одежд, ни изобилие золота,

серебра или драгоценных камней не могут заставить врагов уважать или любить нас, но только страх перед нашим оружием заставляет их нам повиноваться. Кроме того, если в других делах, как говорит Катон, допущена какая-либо погрешность, то это можно исправить впоследствии, но неудачи в сражениях уже не допускают исправлений, так как наказание следует тотчас же за ошибкой; ибо или те, которые вступят в сражение, будучи ленивыми и необученными, тотчас же погибают, или же, обратившись в бегство, в дальнейшем они уже не смеют меряться силами с победителями.

14. Возвращаясь к тому, с чего я начал. Новобранца, который со своей дубиной упражняется на чучеле, нужно заставлять бросать в это чучело, как бы в настоящего человека, и копья более тяжелого веса, чем будут настоящие. В этом случае учащий владеть оружием внимательно наблюдает, чтобы копьё было брошено с большой силой, чтобы, наметив себе цель, новобранец попал своим копьем или в чучело или по крайней мере рядом с ним. Благодаря этому упражнению возрастает сила рук и приобретаются опытность и навык в бросании копий.

15. Третью или четвертую часть молодых новобранцев, которые по отбору являются для этого наиболее подходящими, надо всегда заставлять упражняться деревянными луками и стрелами, предназначенными для игры, тоже на чучелах. Для этого надо выделить специальных искусных учителей, чтобы приучить их к наибольшей ловкости, как умело держать лук, как сильно натягивать, чтобы левая рука оставалась неподвижной, чтобы правая как следует отводилась, чтобы сосредоточить одинаково и взор и внимание на том, что должно поразить, одним словом, чтобы с коня ли, в пешем ли строю они были обучены метать стрелы как следует. Этому искусству надо и старательно учиться и поддерживать его ежедневным упражнением и практикой. Какую пользу в сражении могут принести хорошие стрелки, это со всей очевидностью показал и Катон в своих книгах о военном искусстве и Клавдий¹: организовав у себя большие отряды стрелков и хорошо обучив их, он победил врага, которому раньше он был далеко не равен. Да и Сципион Африканский, когда собирался сражаться с нумантинцами, заставившими перед тем пройти под ярмом войско римского народа, считал, что он сможет их одолеть не иначе, как присоединив ко всем центуриям отборных стрелков.

16. Следует также старательно обучать молодежь бросать камни, рукою или при помощи пращи. Говорят, что первыми изобрели пращи жители Балеарских островов и так старательно заставляли своих упражняться в этом искусстве, что матери не позволяли своим маленьким сыновьям прикасаться к пище, прежде чем они не попали в нее назначенным для этого камнем из пращи. Часто против бойцов, вооруженных шлемами и панцырями, были направлены из пращей или из фустибул (метательных палок) удары круглых камней, которые много тяжелее, чем любая стрела, и хотя части тела казались нетронутыми, однако они наносили смертельную рану, и без тяжелой кровавой раны враг погибал. Всем известно, что во всех сражениях древних принимали участие и пращники. Этому искусству должны быть обучены все новобранцы путем частого упражнения. Тем более, что ведь носить пращу не составляет никакого труда. Иногда, случается, столкновение происходит в каменистой местности, приходится защищать гору или холм, или отражать варваров, осаждающих укрепление или город, камнями и пращами.

17. Нужно молодым новобранцам передать навык, как пользоваться свинцовыми шарами, которые называются маттиобарбулами. Дело в том,

¹ Консул Аппий Клавдий, прославившийся во 2-ю Пуническую войну взятием Капуи.

что некогда в Иллирике было два легиона из 6 000 человек каждый, которые назывались маттиобарбулами, так как искусно и с большой силой пользовались этим метательным оружием. Известно также, что в течение долгого времени они участвовали во всех войнах с большим успехом, так что Диоклетиан и Максимиан, ставши императорами, сочли нужным за их заслуги и доблесть назвать эти легионы маттиобарбулов один—юпитеровым (иовиановым), другой—геркулесовым и предпочли их всем другим легионам. Они носили в своих щитах по пяти маттиобарбул, и если эти воины во-время бросали их, то можно было сказать, что щитоносцы (тяжеловооруженные) выполняли обязанность стрелков: они ранили врагов и их коней, прежде чем дело доходило до рукопашного боя, и даже прежде, чем они подойдут на расстояние полета дротика или стрелы.

18. Не только новобранцев, но даже и кадровых воинов должно всегда усиленно обучать вскакиванию на коней. Известно, что это обучение сохранилось и до нашего времени, правда, с некоторой небрежностью. Обыкновенно ставились деревянные кони («кобылы») зимой—под крышей, летом—на поле; на них заставляли вскакивать молодых новобранцев сначала невооруженными, чтобы приобрести навык, а затем и в вооружении. Такое внимание уделялось этому обучению, что новобранцев учили вскакивать и соскакивать не только с правой, но также и с левой стороны, при этом с обнаженными мечами или пиками. Это было проведено путем постоянного упражнения именно, чтобы обучившиеся так старательно во время мира могли в смятении битвы без задержки вскакивать на коня.

19. Нужно также неукоснительно приучать молодых новобранцев носить тяжести до 60 фунтов, идя военным шагом. Делать это во время трудных походов заставляет необходимость нести и продовольствие и оружие. Не нужно думать, что носить это трудно, если образуется навык: нет ничего такого, чего бы постоянное предварительное упражнение не сделало очень легким. [Что в древности воины часто это делали, это мы знаем из свидетельства самого Вергилия (Георг., III, 346 сл.), который говорит:

Римлянин именно так, ревнивый к родному оружию,
с ношей тяжелою в путь отправляется и, неожиданный,
перед врагом уж стоит в строю, устроивши лагерь.]

20. Ход изложения требует, чтобы я попытался передать, в умении владеть какого рода оружием должно упражнять новобранцев, или чем их вооружать. В этом отношении древний обычай почти совершенно уничтожен. Ибо если допустить, что оружие всадников улучшилось по примеру готов и аланской и гуннской конницы, то пехотинцы, как известно, оказались незащищенными. От основания города до времени божественного Грациана пешее войско было вооружено и панцырями и шлемами. Но когда с появлением небрежности и стремления к безделью начало прекращаться упражнение в поле, стали считать, что оружие очень тяжело, так как воины стали редко его надевать. Поэтому воины стали требовать от императора сначала относительно панцырей, а затем и шлемов... отказаться. Но в столкновении с готами, когда наши воины шли с незащищенной грудью и (с открытыми) головами, они не раз погибали, истребляемые множеством вражеских стрелков; и даже после стольких поражений, которые привели к разрушению столь больших городов, никто не позаботился вернуть пехотинцам их панцыри или их шлемы. Таким образом, и бывает, что не о битве, а о бегстве помышляют те, кто, стоя в боевых рядах чуть не голыми, подставляют себя под удары и получают раны. В самом деле, что будет делать пеший стрелок без панцыря, без шлема, если он, имея лук, не

может уже держать щита? Что будут делать в сражении сами драконари¹ и знаменосцы, которые в левой руке держат древко, когда у них и голова и грудь не защищены? Но тяжелыми кажутся панцырь и шлем, вероятно, тому пехотинцу, который редко упражнялся, редко имел дело с оружием. Конечно, при ежедневном пользовании ими он не чувствовал бы тяжести; даже если бы носил и достаточно тяжелое оружие. Те, кто не может выдержать труда ношения старинного оборонительного оружия, оставив незащищенным свое тело, тем самым неизбежно подвергаются ранению и смерти и, что гораздо тяжелее, рискуют быть взятыми в плен или, обратившись в бегство, предать государство. Так, отказываясь от упражнений и труда, они с величайшим для себя позором избиваются, как стадо баранов. Почему у древних пешее войско называлось стеною, как не потому, что с копьями в руках легионы кроме щитов блистали еще панцырями и шлемами. Эта защита была доведена до такой степени, что у стрелка левая рука была прикрыта нарукавником; а пехотинцы-щитоносцы кроме панцырей и шлемов принуждены были носить железные поножи на голени правой ноги. Так основательно были вооружены те, которые, сражаясь в первом ряду, назывались принципами, во втором — гастатами и в третьем — триариями. Эти триарии, склонив колена, обычно сидели, прикрывшись щитами, чтобы не быть ранеными летящими стрелами и копьями, в случае если бы они стояли, а в нужный момент они, как бы после отдыха, с тем большей стремительностью и силой нападали на врагов. Известно, что ими часто в битве одерживалась победа, после того как погибали гастаты и те, которые стояли перед ними. Были, однако, у древних среди пехотинцев также и такие, которые назывались легковооруженными, а именно пращники и копьейметатели. Они главным образом размещались на флангах и начинали сражение. Но сюда набирались и самые подвижные и наиболее обученные воины. Их было не очень много; отступая, если к этому принуждал их ход сражения, они обычно могли спастись между первыми двумя рядами легионов, и при этом боевой порядок не нарушался. Почти до последнего времени было принято, чтобы все воины носили шапки, которые назывались паннонскими и были сшиты из шкур; этот обычай сохранялся для того, чтобы создавалась привычка всегда что-нибудь носить на голове и в сражении шлем не казался бы тяжелым. На метательных копьях, которыми пользовалось пешее войско (это копье называлось «пилум»), был приделан тонкий трехгранный наконечник в $\frac{9}{12}$ фута или в целый фут длиною. Если копье пронзало щит, то вырвать его назад было уже невозможно; сильно и ловко пущенное, оно легко пробивало панцырь. Редки стали у нас такого рода копья. Варвары же пехотинцы, вооруженные щитами, пользуются преимущественно теми копьями, которые они называют бобрами; они носят их в сражении по два или по три. Кроме того надо всегда помнить, что когда действуют метательным оружием, то воины должны выставить вперед левую ногу, так как при таком положении получается более сильный удар при размахе. Но когда дело, как говорится, доходит до копий (*ad pila*) и сражаются грудь с грудью, с мечами в руках, тогда воины должны выставить вперед правую ногу отчасти для того, чтобы их бок был прикрыт от неприятеля и они не могли бы получить сюда ранения, отчасти же для того, чтобы правая рука, которой можно нанести рану, была ближе (*к врагу*). Ясно, что новобранцев надо снабжать и защищать всеми видами древнего оружия. Ведь, естественно, почувствует большую смелость в бою тот, кто, имея защищенными и голову и грудь, не боится ран.

¹ Значок с изображением дракона был заимствован у парфян и со времени Траяна стал знаком римской когорты.

21. Новобранцу нужно также изучить и то, как укреплять лагерь: ведь во время войны нет ничего другого столь спасительного и столь необходимого, как это умение. И действительно, если лагерь устроен как следует, воины настолько спокойно могут проводить внутри укреплений и дни и ночи, даже если их осаждают враги, как будто они повсюду носят с собой защищенный стенами город. Но это искусство теперь вообще, можно сказать, совсем уже забыто; уже давно никто не разбивает лагеря, проводя рвы и вбивая колья. Поэтому, как мы знаем, неоднократно многие наши войска были разбиты вследствие нападения внезапно появившейся днем или ночью конницы варваров. И этому подвергаются не только воины, расположившиеся без укрепленного лагеря, но и те, которые, по какому-либо случаю начиная отступать во время боя, не находят места, куда бы они могли укрыться; как животные, падают они без отщепеня, и наступает конец их избению только тогда, когда у врагов пропадает желание их преследовать. 22. Лагерь, особенно если враг по соседству, нужно всегда устраивать на безопасном месте, где имеются вполне достаточные запасы дров, травы и воды. Надо выбирать места со здоровым климатом, на случай если придется пробыть здесь более продолжительное время. Нужно остерегаться, чтобы по соседству не было горы или высокого холма, которые, захваченные врагами, могут принести вред. Нужно иметь в виду также и то, не заливадается ли обычно это поле горными потоками, и в этом случае чтобы войску не пришлось испытать на себе их силу. Лагерь должен быть укреплен сообразно с числом воинов или количеством багажа, чтобы значительная масса войска не была стиснута на небольшом пространстве или, наоборот, незначительное количество не было принуждено растянуться по более широкому, чем следует, месту. 23. Лагерь надо разбивать иногда в форме квадрата, иногда в виде треугольника, иногда — полукруглым, в зависимости от очертания местности или по необходимости. Те ворота, которые называются «претория», должны быть обращены или на восток, или в ту сторону, которая ведет к врагам; или же, если войско находится в походе, они должны быть направлены в ту сторону, куда оно двинется, снявшись с лагеря. За этими воротами внутри лагеря разбивают палатки первые центурии, т. е. когорты, и ставят своих драконов и знамена. Ворота же, которые называются «декумана», находятся позади претория, на другой стороне лагеря; через них выводят для наказания провинившихся воинов.

24. Укрепления лагеря бывают трех различных видов. Если нет крайней необходимости торопиться, то с земли снимается дерн, и из него складывается как бы стена высотой в 3 фута над землей, так чтобы впереди нее был ров на том месте, с которого снят дерн; затем делается на скорую руку ров шириною в 9 футов, глубиною в 7. Но когда грозит очень большая сила врагов, тогда нужно укрепить ровом весь лагерь кругом, как полагается по закону, так чтобы он имел в ширину 12 футов и в глубину, как говорится, по перпендикуляру 9 футов. Над ним устраивается плетень с тем, чтобы земля, которая была вынута из рва, наваливалась с той и другой стороны плетня в высоту на 4 фута. Таким образом получается ров в 13 футов глубины и в 12 ширины. Наверху вала вбиваются колья из крепкого дерева, которые воины обыкновенно носят с собою. Для такой работы нужно всегда иметь наготове мотыги, грабли, корзины и всякого рода другие принадлежности. 25. Легко укреплять лагерь, когда еще врагов нет. Но когда враг уже наступает, тогда все всадники и центр пехоты выстраиваются в боевой порядок для отражения натиска врагов, остальные же позади них, проводя рвы, укрепляют лагерь, и глашатай объявляет, какая центурия первой, какая второй, какая третьей идет на работу. После этого центурионы осматривают ров и промеряют его; на того, кто в своей

работе оказался небрежным, накладывается наказание. Вот такой практике надо обучить новобранца, чтобы в случае необходимости он мог в полном порядке быстро и осмотрительно укреплять лагерь.

26. Известно, что ничто так не помогает в битве, как умение воинов в результате постоянного упражнения сохранять в боевом строю построение рядов и нигде, в нарушение порядка, не собираться густой толпой или же растягивать ряды. Дело в том, что, сбившись в кучу, они теряют свободное пространство, нужное им для сражения, и в свою очередь мешают друг другу; те же, которые стоят редко, с промежутками, дают врагам возможность прорваться через их ряды. И, конечно, необходимым последствием этого бывает, что весь боевой строй, охваченный страхом, приходит в замешательство, когда, прорвав ряды, враг появляется в тылу сражающихся. Поэтому новобранцев необходимо всегда выводить в поле и, согласно порядку списков, ставить их в ряды так, чтобы вначале строй был ординарным и широко поставленным, чтобы в нем не было никаких изгибов и закруглений, чтобы каждый воин отстоял от воина на равном и установленном расстоянии. Затем, надо их обучить, чтобы они сразу сдвигали ряды, а равно чтобы во время самого движения они сохраняли тот ряд, в котором они поставлены. В-третьих, надо обучить, чтобы они сразу умели устраивать квадратный строй (карре), а затем этот боевой строй должен быть изменен на треугольный, который называют клином. Обычно такое расположение приносит большую пользу на войне. Так же настойчиво предлагается, чтобы воины научились устраивать круг; благодаря такому построению, если вражеские силы прорвут боевой строй, обученные воины обычно могут помешать врагу и тем самым не допустить, чтобы вся масса бойцов рассеялась в бегстве, рискуя тяжким поражением. Если молодые воины усвоят все это при постоянных упражнениях, тем легче сохраняют они это умение и во время сражения. 27. Кроме того и из древних обычаев сохранилось и предписывается также установлениями божественного Августа и Адриана, чтобы три раза в месяц как всадники, так и пехотинцы выводились на (военные) прогулки; этим именем они обозначают следующий вид упражнений. Приказывается, чтобы пехотинцы прошли 10 миль во всем вооружении, с копьями в руках, военным шагом и так же возвратились в лагерь, причем некоторую часть пути они должны совершать более ускоренным бегом. Точно так же и всадники, разделенные на турмы и вооруженные, должны были совершать приблизительно такой же путь; при этом они переходили иногда к своим конным упражнениям, иногда совершая отступление; затем, сделав поворот, вновь готовились к наступлению. Это учение происходило не только на ровном поле, но оба рода войска должны были учиться спускаться и подниматься в местностях с крутыми спусками и подъемами, для того чтобы во время сражения даже случайно ничего не могло встретиться такого, что не было изучено раньше хорошими воинами путем упорного упражнения.

28. Все это, исполненный верности и преданности, о непобедимый император, я объединил в этой небольшой книжечке, самое существенное из разных авторов, которые написали свои произведения о военном деле, для того чтобы желающие со всем старанием заняться набором и обучением новобранцев, легко могли укрепить мощь своего войска и придать ему древнюю доблесть. Ведь не исчез еще в людях военный пыл Марса, не выродились те земли, которые родили лакедемонян, афинян, марсов, самнитян, пелигнов, наконец, самих римлян. Разве жители Эпира не были некогда наиболее могущественными в военном деле? Разве македоняне и фессалийцы, победив персов, не проникли до самой Индии, прокладывая себе дорогу оружием? Что даки, мезийцы, фракийцы были всегда в высшей степени воинственны—это ясно из сказаний, которые утверждают, что сам Марс

родился у них. Я никогда не кончу, если начну перечислять силы каждой провинции в отдельности, а ведь все они находятся в подчинении Римской империи. Но чувство безопасности вследствие долгого мира заставило людей обратиться частью к удовольствиям бездействия, частью к гражданским делам. Вследствие этого вполне понятно, что забота об упражнении войска вначале стала проявляться более небрежно, затем пропадать и, в конце концов, придя в полное забвение, окончательно прекратилась. И пусть никто не удивляется, что подобное же происходило и в прежние времена, так как после первой Пунической войны мир, продолжавшийся лет 20, так ослабил из-за бездействия и отсутствия военных упражнений тогдашних римлян, бывших до тех пор всюду победителями, что во вторую Пуническую войну они никак не могли сравниться с Ганнибалом. Потеряв столь многих консулов и предводителей, потеряв большое количество армий, они только тогда стали вновь побеждать, когда смогли научиться практике военного дела при помощи упражнения в употреблении оружия. Поэтому всегда должно набирать и упражнять молодых новобранцев. Известно ведь, что дешевле научить владеть оружием своих, чем нанять чужих бойцов за деньги.

КНИГА ВТОРАЯ

Что знанием установлений предков, касающихся всех видов военных дел, ваша милость обладает во всей полноте и со всей опытностью умеет его применять,—это доказывается непрерывными победами и триумфами, поскольку успех в делах есть несомненное доказательство высокого искусства. Однако, о тишайший и непобедимый император, в своем стремлении более высоко, чем может вместить земной ум, ты желаешь узнать примеры и сведения из древних книг, хотя своими новейшими подвигами ты превосходишь самую древность. И вот когда я решился кратко изложить все это в своей книге для вашего величества, не столько для наставления, сколько для ознакомления, мое глубокое к тебе почтение не раз вступало в борьбу с моей скромностью. Что может быть более дерзким, как владыке и руководителю рода человеческого, укротителю всех варварских племен стараться внушить что-либо, касающееся приемов и науки военного дела? Не лучше ли, может быть, было ему приказать описать то, что совершено им самим? А с другой стороны, не повиноваться поручениям столь великого императора в моих глазах является делом преступным и заслуживающим наказания. Итак, чудесным образом я возымел такую дерзость в своем повиновении, так как боюсь показаться еще более дерзким, если я откажусь. На это крайне рискованное дело воодушевила меня предшествующая милость вашей бесконечности. Дело в том, что книжку о наборе и обучении новобранцев я уже давно преподнес тебе как твой покорный слуга и за это я не заслужил нареканий. Нет страха теперь приступить к делу по прямому приказанию, если труд, предпринятый на свой собственный страх, прошел безнаказанным.

1. Воинские силы, [как это свидетельствует великий писатель-поэт римского народа в своем вступлении, состоят из вооружения и мужей¹. Они] делятся на три части: конницу, пехоту и флот. Отряды конницы называются крыльями (alae) потому, что, наподобие крыльев, они и с той и с другой стороны прикрывают боевой строй; теперь они называются «вексилляриями»—«знаменными», потому что они пользуются знаменами (велум), которые теперь называются «флам-

¹ Указание на начало «Энеиды» Вергилия.

мулы¹. Есть и другой род всадников, которые называются легионарными, потому что они входят в состав легиона; примером таких могут служить так называемые всадники, одетые в поножи (оскреати). Флот тоже состоит из двух видов: одни корабли называются либурнскими, другие крейсерами (наблюдательными). Всадниками охраняются равнины, флотом— моря или реки, пехотой—холмы, города, ровные и обрывистые местности. Отсюда понятно, что для государства более нужны пехотинцы, которые всюду могут пригодиться; и большее число этих воинов может содержаться с меньшими затратами. Название «войско» (exercitus) оно получило от самого своего основного занятия, именно упражнений (exercitium), чтобы оно никогда не забывало, почему оно носит такое название. И сама пехота разделена на два вида: на вспомогательные отряды и на легионы. Вспомогательные отряды посылаются племенами, находящимися в союзных (socii) или договорных (foederati) отношениях; римская же доблесть всегда и преимущественно проявляла свою силу в регулярных легионах. Термин «легион» происходит от слова «отбирать» (e-ligère), а само это слово требует верности и старания от тех, кто отбирает воинов. Обыкновенно во вспомогательные отряды набирается меньшее число воинов, в легионы—значительно большее. 2. Македоняне, греки, дарданцы также, в конце концов, имели фаланги, причем в одной фаланге они насчитывали 8 000 вооруженных. Галлы, кельтиберы и большинство варваров применяют в сражениях толпы, где бывает по 6 000 вооруженных. Римляне имеют легионы, где обычно несли военную службу 6 000 бойцов, а иногда и больше. Теперь я изложу, какая, на мой взгляд, разница между легионами и вспомогательными отрядами. Когда вспомогательные отряды отправляются на войну, то, прибыв из различных мест и в различном количестве, они не связаны между собою ни обучением, ни знакомством, ни навыками. Различны у них приемы сражения, различно применяют они оружие. И, конечно, медленнее приходят к победе те, которые до сражения столь сильно отличаются друг от друга. Наконец, так как в походах очень важно, чтобы все воины двигались и строились по одному и тому же сигналу и приказанию, то, конечно, не могут согласно выполнять эти приказания те, кто раньше не делали этого вместе и дружно. Однако и эти отряды, если их заставить почти ежедневно укреплять себя различными упражнениями в течение года, могут принести немалую пользу. Вспомогательные отряды всегда присоединялись в боевом строю к легионам в качестве легковооруженных, служа во время сражения скорее поддержкой, чем основной помощью. Легион же, имея полное число своих когорт в тяжелом вооружении, т. е. принципов, гастатов, триариев и передовые отборные отряды (антесигнанов), равно и отряды легковооруженной пехоты, т. е. метателей дротиков, стрелков, пращников, баллистариев, имея своих собственных, включенных в свой состав, легионарных всадников, держась одних и тех же предписаний, дружно и согласно укрепляя лагерь, выстраивая боевой строй, ведя сражение, будучи во всех отношениях целостным, не нуждаясь ни в какой внешней помощи,—такой легион обычно может победить какую угодно толпу врагов. Доказательством служит величие римского государства, которое всегда, сражаясь при помощи легионов, побеждало такое количество врагов, сколько оно само хотело победить или сколько допускало естественное положение вещей. 3. Части войска и доньне носят название легионов, но вследствие небрежности прежних лет крепкая сила этих легионов уже надломлена, когда награду, даваемую прежде за доблесть, стали получать благодаря интригам и воины стали

¹ «Языки пламени»—маленькое знамя.

по протекции добиваться повышений, которые прежде обычно они получали за труд. Затем, когда по истечении срока военной службы отборные воины из свиты полководца по обычаю отпускались домой с письменными аттестатами, на их место не ставили других. Кроме того вполне естественно, что одни становились негодными по слабости, вследствие болезни и должны были получить увольнение, другие дезертировали или погибали от различных случайностей. И вот, если не то чтобы каждый год, но даже почти каждый месяц толпа молодых новобранцев не приходит на место выбывающих, то как бы ни было многочисленно войско, оно начинает численно истощаться. Есть и другая причина, почему легионы становились малочисленнее: в них—более трудная военная служба, более тяжелое оружие, больше обязанностей¹, более строгая дисциплина. Избегая этого, многие спешат записаться во вспомогательные войска, где меньше трудностей и скорее получают награды. Знаменитый Катон старший, который и как воин был непобедим в бою и как консул часто водил в бой войска, решил, что он еще больше окажет пользы государству, если напишет книгу о военном искусстве. Ибо храбрые деяния живут в памяти в течение одного только поколения; то же, что пишется для пользы государства, вечно. То же сделали и многие другие, особенно Фронтин, заслуживший одобрение за такую деятельность у божественного Траяна. Их наставления, их предписания я отмечу насколько могу кратко и точно. Так как одинаковых расходов требует и старательная и небрежная организация войска, то великая польза не только для настоящего времени, но и для будущих веков, если предусмотрительностью твоего величества, о император Август, будет восстановлен крепкий порядок в военном деле и исправлены ошибки твоих предшественников.

4. У всех историков можно найти, что каждый консул, идя походом на врагов, как бы многочисленны они ни были, командовал не больше чем двумя легионами, с добавлением вспомогательных отрядов союзников. Такова была их обученность, такова уверенность в себе, что считалось вполне достаточным для любой войны двух легионов. Поэтому я изложу организацию древнего легиона, согласно нормам военных законов. Если это описание будет несколько темным или не очень гладким, то упрек за это надо направить не по моему адресу, а приписать трудности самой темы. Поэтому это описание нужно читать не раз и со вниманием, чтобы все понять и запомнить. Несомненно, непобедимо то государство, чей император, овладев военным искусством, делает боеспособным войско любой численности.

5. Итак, тщательно отобрав молодых новобранцев, выдающихся и мужеством и телесной силой, прибавив сюда ежедневные упражнения в продолжение четырех или более месяцев, по приказу и при счастливом руководстве нашего непобедимейшего государя, пусть организуется легион. Когда будут обозначены на коже воинов нестираемые (выжженные) точки, воины заносятся в списки, и затем обычно их заставляют приносить клятву; это называется военной присягой. Они клянутся именем бога, Христа и св. духа, величеством императора, которое человеческий род после бога должен особенно почитать и уважать. Как только император принял имя Августа, ему, как истинному и воплощенному богу, должно оказывать верность и поклонение, ему должно воздавать самое внимательное служение. И частный человек и воин служит богу, когда он верно чтит того, кто правит с божьего соизволения. Так вот воины клянутся, что они будут делать старательно все, что прикажет император, никогда не покинут военной службы, не откажутся от смерти во имя римского государства.

¹ Другое чтение: «поздняя оплата за службу».

6. Следует знать, что в одном легионе должно быть 10 когорт. Но первая когорта превосходит остальные и числом воинов и достоинством. Она включает в себе отборных мужей и по происхождению и по образованию. Она получает орла: это—главное знамя римского войска, одновременно являющееся знаменем целого легиона. Она чтит изображения императоров, т. е. божественные и подлинные знамена. Эта когорта имеет 1 150 пехотинцев, 132 всадника, одетых в панцыри, и называется «когортой тысячников» (*cohors miliaria*); она является главою легиона, с нее, когда нужно вступать в бой, начинается фронт. Вторая когорта состоит из 555 пехотинцев, 66 всадников и называется «когортой пятисотенников» (*cohors quingentaria*). Третья когорта имеет тоже 555 пехотинцев и 66 всадников, но обычай требует, чтобы в эту когорту набирались особенно крепкие люди, так как она стоит в центре боевого строя. Четвертая когорта состоит из 555 пехотинцев и 66 всадников. Пятая когорта имеет тоже 555 пехотинцев и 66 всадников, но требуется, чтобы в эту когорту тоже зачислялись энергичные и крепкие воины, потому что, подобно первой когорте, стоящей на правом фланге, пятая когорта стоит на левом фланге. Эти 5 когорт выстраиваются в первом ряду. Шестая когорта состоит из 555 пехотинцев и 66 всадников; в нее тоже из молодых новобранцев включаются самые отборные, так как во втором ряду шестая когорта стоит позади орла и изображений (императоров). Седьмая когорта состоит из 555 пехотинцев и 66 всадников. Когорта восьмая состоит из 555 пехотинцев и 66 всадников; и она должна иметь в своем составе храбрых воинов, так как во втором ряду она занимает центр. Девятая когорта состоит из 555 пехотинцев и 62 всадников. В десятой когорте тоже 555 пехотинцев и 62 всадника; обычно и она составляется из хороших бойцов, так как во втором ряду она занимает левый фланг. Этими десятью когортами укомплектовывается весь легион, имея таким образом 6 100 пехотинцев и 730 всадников. Таким образом, меньшего числа воинов в одном легионе быть не может; но большее число иногда бывает, если дается приказ набирать тысячами не только одну когортку, но также и остальные.

7. Изложив старинную организацию легиона, я укажу теперь по существующим спискам (табели о рангах) названия и должностное положение важнейших военных чинов и, применяя их собственное наименование,—«принципиев» (старшего офицерства). Старший военный трибун (*tribunus major*) назначается по усмотрению императора в силу священного предписания. Младший трибун достигает своего положения по выслуге. Трибуном он называется от трибы, так как он командует воинами, которых Ромул впервые стал выбирать из трибы. «Ординарными» они называются потому, что в сражении они [являясь первыми] ведут ряды (*ordines*) в бой. Августалами называются те, которые Августом присоединены к ординарным. Равным образом Флавиалы, как бы вторые (по рангу) Августалы, были присоединены к легионам божественным Веспасианом. Орлоносцами называются те, которые носят орла (знамя). Имагинариями—те, которые несут изображения императора. Опционы названы от глагола *adoptare* («усыновлять»), потому что в случае, если их начальники заболевают, они в качестве как бы усыновленных и заместителей обычно принимают на себя общее руководство. Знаменосцами называют тех, которые носят знамена (*signa*), их теперь называют драконариями¹. Тессерарии—это те, которые сообщают по палаткам воинов «тессеры»; тессерами же называются приказы военачальника, в силу которых войско выступает на какую-либо работу или на войну. Кампигены (*campigeni*), т. е. передовые (*antesignani*), названы так потому, что их усилиями и доблестью улучшается

¹ См. примеч. к кн. I, 20.

военная выучка на плацу. Разметчиками (*metatores*) называются те, которые, идя впереди, выбирают место для лагеря. Бенефициарии названы так потому, что выдвинулись вперед благодаря расположению (*beneficium*) к ним трибунов. Либрариями—потому, что заносят в книги (*libri*) рационы, подлежащие выдаче воинам. Трубачи, горнисты и играющие на рожках звуками труб (*tuba*) или изогнутых медных инструментов и рогов (*cornu, bucina*) обычно дают сигнал к началу сражения. Дупляры (*duplares*) в войске—это те, которые получают двойной паек; симпляры (*simplares*)—те, которые получают только один паек. Мензоры (измерители) те, которые в лагере по футам измеряют места, на которых воины разбивают палатки, или которые в городах доставляют квартиры для постоя. Были двойные цепеносцы (*torquati duplares*) и ординарные цепеносцы (*torquati simplares*); массивная золотая цепь была наградой за доблесть; тот, кто ее заслужил, иногда кроме славы получал двойной паек. Дупляры, сесквипляры: дупляры получали двойной паек, сесквипляры—полуторный. Далее, кандидаты-дупляры, кандидаты-симпляры: все это те высшие (*principales*) воины, которые награждаются привилегиями. Остальные называются служебными (*municipes*), потому что они должны нести (те ли другие) служебные обязанности.

8. Старинный обычай устанавливал, чтобы из первого манипула (*primo principe*) легиона выдвигался центурион первого ранга (*primi pili*), который не только стоял во главе орла, но еще командовал четырьмя центуриями, т. е. 400 воинов в первом ряду. Он, как глава всего легиона, получал соответственный почет и привилегии. Затем первый (центурион) гастатов командовал во втором строю двумя центуриями, т. е. 200 воинов; его теперь называют дуценарием. Центурион (*principes*) первой когорты (принципов) командовал полутора центуриями, т. е. 150 чел. Его дело в легионе приводить все в порядок. Равным образом второй центурион гастатов управлял полутора центуриями, т. е. 150 чел. Первый центурион триариев руководил сотней воинов. Так, 10 центурией первой когорты руководились 5 ординариями (унтер-офицерами, капралами). Им в старину были присвоены большие привилегии и большая честь, так что и остальные воины из всего легиона всяческим трудом и преданностью делу старались достигнуть такой награды. Были также центурионы, которые ведали отдельными центуриями; они теперь называются сотниками (центенариями). Были деканы (десятники), поставленные во главе каждой 10 воинов; теперь они называются старшими по палатке. Вторая когорта имела 5 центурионов; равным образом и третья, и четвертая вплоть до десятой. Во всем легионе центурионов было 55. 9. Императоры посылали к войску легатов из бывших консулов, которым повиновались и легионы и все вспомогательные отряды в вопросах установления мира или ведения войны; на их место теперь, как известно, поставлены люди высокого ранга в качестве *magistri militum*; они командуют не только двумя легионами каждый, но и большим их числом. Но собственно вершителем всех дел был префект легиона, имея достоинство высшего начальника первого ранга, которому в отсутствие легата как его заместителю принадлежала высшая власть. Трибуны, центурионы и остальные воины исполняли его приказания. Пароли и распоряжения по страже или отправлению в поход давались им. Если воин допускал какое-либо правонарушение, то по санкции префекта легиона он отправлялся трибуном для наказания. Его ведению подлежали: оружие всех воинов, равно как и их кони, одежда; пайки. От его предписаний зависела вся суровая дисциплина в войске, а также обучение не только пехотинцев, но и всадников, приписанных к легиону. Как высший начальник он—сам справедливый, старательный, сдержанный—доводил до совершенства вверенный ему ле-

гион, постоянными трудами внушая ему преданность (к делу) и всяческое умение, зная, что доблесть подчиненных отражается на славе префекта.

10. Был также и префект лагеря, правда, ниже достоинством, но занятый не менее важными делами; его ведению подлежало расположение лагеря; определение размеров вала и рва. Палатки и бараки солдат со всей поклажей и обозом устраивались с его соизволения. Кроме того больные войны, врачи, которые их лечили, а также расходы (сопряженные с этим) подлежали его ведению. Далее он должен был заботиться о повозках, вьючных животных, также о всевозможных железных инструментах, которыми режется или рубится дерево, копаются рвы, устраивается вал водопровода¹, а также следить за тем, чтобы не было недостатка в бревнах, соломе, таранах, онаграх², баллистах и других видах метательных машин. На это место выбирался тот, кто после долголетней военной службы был признан самым опытным и подходящим для того, чтобы как следует научить других тому, что он со славою раньше делал сам.

11. Кроме того легион имеет еще обслуживающий персонал: плотников, каменщиков, каретников, кузнецов, маляров и других ремесленников для постройки барачков на зимних квартирах; они изготовляют машины, деревянные башни и все остальное, что необходимо для завоевания вражеских городов или для защиты своих; их держат для того, чтобы они или заново делали повозки и всякого рода метательные орудия или поправляли разбитые. Имелись еще мастерские для выделки щитов, панцирей, луков; в них изготовлялись стрелы, метательные дротики, шлемы и всякого рода другое оружие. Одной из главнейших забот было, чтобы в лагере никогда не было недостатка в том, в чем может нуждаться войско, так что при легионе имелись даже минеры, которые, по обычаю бессов, проведя подземный ход и подкопавшись под фундамент стен, внезапно появлялись на свет по ту сторону стен, чтобы захватывать неприятельские города. Прямой начальник всех их был префект ремесленников (*praefectus fabrorum*).

12. Я сказал, что легион имел 10 когорт. Но была первая когорта тысячников, состоявшая из воинов, отличавшихся своим богатством, родом, образованием, красотой и доблестью. Во главе этой когорты стоял трибун, отличавшийся исключительным знанием военного дела, физической доблестью и высокими нравственными достоинствами. Остальные когорты находились под начальством, согласно с желанием императора, или военных трибунов или препозитов (старшие офицеры). Внимание, уделявшееся упражнениям воинов, было столь велико, что эти трибуны и препозиты не только заставляли порученных им со товарищей по службе ежедневно заниматься этим у себя на глазах, но даже и сами, в совершенстве уже постигшие искусство владения оружием, собственным примером побуждали других к подражанию. Воздается похвала трибуну за заботливость, за умение, если его воин выступает в чистой одежде, в хорошем блестящем вооружении, обученный упражнением как практике, так и теории военного дела.

13. Главным знаменем всего легиона является орел, его носит орлоносец. Кроме того в отдельных когортах драконарии выносят в бой (знамена с изображением) драконов. Но так как древние знали, что во время сражения ряды и строй быстро приходят в беспорядок и перепутываются, то во избежание этого они разделили когорты на центурии и для каждой отдельной центурии установили отдельные знамена, для того чтобы на этом знамени было написано буквами, из какой оно когорты и которая центурия; видя это знамя и читая надпись, воины при каком угодно

¹ Другое чтение: вал и водопровод.

² Метательное орудие для камней.

смятении не могли потерять своих сотоварищей. Кроме того центурионам, которые теперь называются сотниками (центенарии), приказывали [особенно воинственным] [одетым в панцыри] командовать отдельными центуриями, откинув забрало с кивером, чтобы их легче было узнавать, чтобы не произошло никакой ошибки, так как сотни воинов следовали не только за своим знаменем, но и за центурионом, который имел определенный знак на шлеме¹. В свою очередь центурии были разделены по палаткам; десятью воинами, жившими в одной палатке, как бы командовал один десятник (decapus), который назывался капралом (главою палатки). Это деление называлось еще манипулом, потому что они сражались рядом, рука об руку.

14. У пехотинцев [деления] назывались центуриями или манипулами, у всадников они назывались турмами. Каждая турма состояла из 32 всадников. Тот, кто ею командовал, назывался декурионом. 110 пехотинцев находятся под одним знаменем, под командой одного центуриона; равным образом 32 всадника под одним знаменем управляются одним декурионом. Затем, подобно тому как в центурионы должен выбираться человек большой физической силы, высокого роста, умеющий ловко и сильно бросать копьё и дротики, постигший искусство сражаться мечом или манипулировать щитом, который вполне усвоил искусство владения оружием, бдительный, выдержанный, подвижной, более готовый исполнять, что ему прикажут, чем разговаривать (об этом), умеющий держать в дисциплине своих товарищей по палатке, побуждать к военным упражнениям, заботящийся о том, чтобы они были хорошо одеты и обуты, чтобы оружие у них всех было хорошо вычищено и блестело; точно так же нужно выбирать и декуриона, чтобы поставить его во главе турмы; он должен быть прежде всего ловким, чтобы уметь в панцыре, в полном вооружении, всем на удивление, вскочить на коня, крепко сидеть на нем, искусно владеть пикой, умело метать стрелы; необходимо также, чтобы он мог научить своих турмовиков, т. е. всадников, отданных под его наблюдение, всему, что требуется в конном сражении, и заставить их часто чистить и держать в порядке свои панцыри (лорики) или латы (катафракты), пики и шлемы. Блеск оружия внушает врагам особенный страх. Кто сочтет воинственным воина, у которого вследствие небрежности оружие покрыто пятнами, грязью и ржавчиной. И не только всадников, но и коней надо постоянно дрессировать. Таким образом, заботой декуриона является здоровье и обучение как людей, так и коней.

15. Теперь на примере одного легиона я считаю нужным показать, каким образом нужно располагать боевой строй, если предстоит немедленная битва; потому что если по ходу дела это потребует, то эта практика может быть перенесена и на много легионов. Всадники должны быть поставлены на флангах. Весь боевой строй начинает строиться с первой когорты на правом крыле. К ней примыкает вторая когорта. Третья ставится в центре. С ней соприкасается четвертая. Пятая же занимает левый фланг. Сражающиеся перед строем и вокруг знамен, главным образом в первом ряду, называются принципами (передовыми) [т. е. капралы и остальные старые]. Это—тяжеловооруженное войско, так как они имели шлемы, латы, ножи, щиты, большие мечи, которые назывались «спафы», и другие, меньшие, которые назывались «полуспафы», 5 свинцовых шаров в щитах, которые они бросали при первой атаке, затем по два дротика—один побольше с железным трехгранным наконечником в $\frac{9}{12}$ фута, с древком в $5\frac{1}{2}$ футов, который называли пилум (pilum), теперь же—спикулум, в метании которого особенно упражнялись воины, так

¹ Вся эта фраза в тексте критически точно не установлена.

как брошенное искусно и с силой оно пронзало и щитоносного пехотинца и одетого в панцырь всадника; другое копьё, поменьше, с железным наконечником в $5\frac{1}{12}$ фута, с древком в $3\frac{1}{2}$ фута, которое прежде называли «верикулум», а теперь—«верутум». Первый строй принципов (и второй—гастатов) обучается пользоваться этим оружием. Позади них были ферентарии (метатели дротиков) и легковооруженные отряды, которые мы теперь называем экскулькаторами (фурьерами) и арматурой; щитоносцы [те, которые] вооружены мечами и копьями со свинцовыми шарами, как теперь, кажется, вооружены почти все воины; были также стрелки со шлемами, панцырями и мечами, стрелами и луками, были пращники, которые при помощи ремней или метательных шестов бросали камни, были трагулярии, которые направляли свои стрелы при помощи ручных баллист или луков-баллист (арбалетов). Второй ряд был вооружен приблизительно так же. Находящиеся в нем воины назывались гастатами. Но во втором ряду на правом крыле ставилась шестая когорта, рядом с которой становилась седьмая. Восьмая когорта занимала центр, за ней следовала девятая. Десятая когорта во втором ряду всегда занимала левый фланг. 16. Позади всех рядов помещались триарии со щитами, панцырями и шлемами, с поножами на ногах, с мечами-полуспафами и свинцовыми шарами, с двумя метательными копьями; они стояли, опустившись на колено, чтобы, в случае если первые ряды будут побеждены, начатая ими как бы вновь битва могла дать надежду на успех. Все передовые (antesignani) и знаменосцы, даже пехотинцы, были одеты в меньшие брони (loricae) и в шлемы, которые для устрашения врагов были покрыты медвежьими шкурами. Центурионы же имели панцыри (катафракты), щиты и шлемы железные, но на них были наискось стоящие и посеребренные гребни, чтобы свои скорее их узнавали. 17. Вот что нужно точно знать и всячески стараться сохранить: в начале сражения первый и второй строй стояли неподвижно, а триарии даже сидели. Метатели же дротиков, легкая инфантерия, фуриеры, стрелки, пращники, т. е. все легковооруженные, выбегая вперед, завязывали с врагами бой. Если им удавалось обратить врагов в бегство, они их преследовали; если их подавляли храбрость и многочисленность неприятелей, они возвращались к своим и становились позади них. Тогда тяжеловооруженная пехота принимала на себя тяжесть боя и стояла, я бы сказал, как железная стена, и веда бой не только метательным оружием, но и мечами в рукопашном бою. И если враги обращались в бегство, то тяжеловооруженные не преследовали их, чтобы не привести в беспорядок своего боевого строя и своих рядов и чтобы враги, вновь повернув, не могли напасть на них, потерявших свой строй и рассеявшихся, и не подавили их; но бегущих врагов преследовали легковооруженные с пращниками, стрелками и всадниками. При таком расположении и такой осторожности легион, не подвергаясь опасности, одерживал победу, а будучи побежден сохранял себя в целости, так как для легиона закон—легкомысленно не отступать, но и не преследовать. [18.] Чтобы воины как-нибудь в смятении битвы не отбились от своих сотоварищей по палатке, у различных когорт на щитах были нарисованы различные знаки, как сами они их называют, дигматы, как это и теперь осталось в обычае. Кроме того на обороте щита каждого воина буквами написано его имя, при этом прибавлено, из какой он когорты или какой центурии.

Из сказанного ясно, что хорошо организованный легион представляет собою как бы настоящий укрепленный город; все нужное для сражения он имеет всегда и всюду с собою и не боится внезапного появления врагов; даже среди поля он может без замедления оградить себя рвом и валом;

в его составе находятся воины всякого рода и всякого оружия. Если кто хочет, чтобы в битвах за государство варвары были побеждены, чтобы с соизволения божьего, по распоряжению нашего непобедимого императора из новобранцев были вновь организованы легионы, то пусть он об этом просит во всех своих молитвах. Ведь в течение короткого срока молодые воины, старательно выбранные и подвергшиеся не только утром, но и после полудня ежедневному обучению в умении пользоваться всяким оружием, и в военном искусстве легко сравниваются с теми прежними воинами, которые покорили целый земной шар. И пусть не беспокоит никого, что этот обычай существовал в древности и заменен тем, который сейчас в силе. Но таковы счастье и предусмотрительность твоей вечности, что для блага государства ты можешь и новое изобрести и старое восстановить. Всякое дело кажется трудным, прежде чем ты не приступишь к его выполнению; во всяком случае, если во главе набора будут поставлены люди знающие и разумные, быстро может быть собран и старательно обучен отряд, подходящий для войны. Изобретательность делает все что угодно, если ей не будет отказано в соответствующих расходах.

19. Но так как в легионах много отделов (*schoiae*), которые нуждаются в грамотных воинах, то тем, которые делают отбор новобранцев, следует у всех измерять, конечно, рост, исследовать крепость и бодрость духа, но некоторых они должны выбирать за знание грамоты, за умение считать и производить расчеты. Счета по всему легиону, списки командиров (*ratio obsequiorum*) или военнообязанных или денежные отчеты ежедневно записываются в ведомости, можно сказать, с большей тщательностью, чем рыночные цены товаров или государственные денежные операции города отмечаются в главных книгах (*polupticha*). Во время мира воины попеременно из всех центурий и палаток несут стражу, т. е. ночной караул в лагере или в пикетах; для того чтобы никто против справедливости не был перегружен или чтобы кто-либо не был совершенно освобожден, имена тех, кто исполнил свой черед, кратко заносятся в списки. В таких же списках отмечается, кто когда получил отпуск и на сколько дней. В то время отпуск давался с трудом, если только не представлялись вполне основательные причины. Тогда обученные воины не направлялись ни для каких услуг, и им не поручались частные дела; казалось неподходящим, чтобы воин, находящийся на службе императора, который пользовался государственным платьем и пищей, был освобожден для службы частным лицам. Для обслуживания же высших чинов, трибунов, а также принципалов направлялись воины, которые назывались «приписными», т. е. причисленными потом, когда легион был укомплектован; теперь их называют сверхштатными (*supernumerarii*); однако то, что можно носить в связках, т. е. дрова, сено, воду, солому, носили в лагерь также и регулярные воины. Они называются «служащими» (*munifices*), так как исполняют эти служебные обязанности (*munera*). 20. Вот еще что древними было устроено удивительно умно: из денежных подарков (донатив), которые воины получали, половина задерживалась в кассе своей части (*apud signa*) и там сохранялась для самих воинов, чтобы они не истратили ее на удовольствия или на какие-либо пустые траты среди сотоварищей. Большинство людей, и особенно бедные, тратят столько, сколько могут получить. Это откладывание денег выгодно прежде всего для самих воинов: так как они содержались на государственном пайке, то благодаря всем донативам у них наполовину увеличивался их лагерный пекулий. Затем воин, который знал, что его деньги лежат в лагерной кассе, не помышлял о дезертирстве, более заботился о своих знаменах и за них в бою сражался много храбрее; это вполне соответствует человеческому характеру — особенно заботиться

о том, во что вложено его достояние. Таким образом было заведено 10 фолл, т. е. 10 мешков по числу отдельных когорт; в эти фоллы складывались эти подотчетные деньги. Прибавлялся еще одиннадцатый мешок, куда весь легион складывал некоторую часть своих денег, а именно на похороны: если кто из сотоварищей умирал, расходы на его погребение покрывались из этого одиннадцатого мешка. Все эти расчеты и суммы сохранялись, как теперь говорят, в сундуке (*in cofino*) у знаменосцев. А потому в знаменосцы выбирались не только честные, но и грамотные люди, которые умели хранить порученные деньги и составить на каждого воина расчет.

21. Я думаю, что римские легионы были так организованы не только по человеческому усмотрению, но и установлены по божескому провидению. В них все их десять когорт были устроены так, что составляли как бы единое тело, единое целое. Как бы по некоему кругу войны двигались вперед по различным когортам и различным отделам, так что, начиная с первой когорты, воин, двигаясь по известной ступени повышений, доходил до десятой когорты и от нее обратно с повышением жалованья и с более высоким чином проходил по всем другим до первой. Таким образом центурион первого ранга (*primi pili*), после того как он по порядку пройдет все командные должности по когортам в различных отделах (*scholas*), в первой когорте достигал такого высокого положения, которое давало ему бесконечные преимущества сравнительно со всем остальным составом легиона; как начальник канцелярии на службе у префектов претория он заканчивает этим свою почетную и выгодную военную службу. Так и легионарные всадники, хотя, конечно, большая разница между всадниками и пехотинцами, любят свои когорты вследствие расположения к своим сотоварищам по военной жизни. Таким образом вследствие такой сплоченности в легионах сохранялось полное единодушие как между всеми когортами, так и между всадниками и пехотинцами. 22. При легионе, кроме того, есть трубачи, горнисты и музыканты на рожках. Труба зовет воинов в бой и вновь дает знак к отступлению. Всякий же раз когда поет инструмент горниста, то не воины, а их знамена повинуются его указанию. Итак, если воины одни собираются идти на какое-либо дело, то гремят трубы, когда же нужно двинуть знамена, то трубят горнисты; в случае же сражения вместе трубят и трубачи и горнисты. Знак, который подают музыканты на рожках (*буцинаторы*), называется «классикум». Этот знак относится к высшему командованию, так как сигнал «классикум» раздается в присутствии императора, или когда производится наказание воина со смертным исходом, так как обязательно, чтобы это совершалось на основании императорских постановлений. Таким образом, если воины идут на караул, в пикет, или на какую-нибудь работу, или на маневры в поле, то по звуку труб они приступают к делу и вновь по знаку, данному трубой, они его прекращают. Когда же должны двигаться знамена в поход или после похода их вновь нужно воткнуть в землю, — трубят горнисты. Это соблюдается во время всех учений и маршей, чтобы во время самого сражения воины легко могли распознавать и выполнять сигналы, — приказывают ли им начальники сражаться или стоять на месте, идти вперед или возвращаться. Совершенно ясен смысл всего этого: нужно во время мира делать все то, что по необходимости придется, как ясно всякому, делать в сражении.

23. Изложив все об устройстве и распорядке легиона, возвращаемся к рассказу об упражнениях, откуда, как мы сказали, произошло и самое название войска (*exercitus* = обученный). Молодые воины и новобранцы рано утром и после полудня упражнялись в применении всех видов оружия. Старые и уже обученные воины упражнялись хотя и один раз в день, но без

пропусков. Ведь ни долгие годы жизни, ни число лет службы не дают еще знания военного дела: даже после долгих лет службы воин, не прошедший и не знающий всех упражнений, все равно остается новобранцем. Уменью владеть оружием, которое показывают в цирке в праздничные дни, должны были учиться ежедневным упражнением не только находящиеся в распоряжении экзерцирмейстера, но и все сотоварищи по жизни в лагере. Ведь ловкость приобретается только физическим упражнением, равно как и искусство поражать врага, защитить себя, особенно если идет бой на мечах в рукопашную; но еще большее значение имеет то, что они во время этих предварительных упражнений учатся держать ряды, следовать за своим знаменем среди множества движений в ходе сражения; среди обученных не бывает ошибок, тогда как среди <необученной> толпы такое замешательство обычно. В высшей степени хорошо упражняться на чучелах, даже на палках: этим приучаются нападать на врага, рубя или коля его в бок, в ноги и в голову. Равным образом они научаются прыгать и наносить удары, в три приема подниматься на щит и вновь за ним скрываться, то стремительно выбегая, прыгая, то при отступлении отскакивая назад. Они должны учиться издали попадать копьями в чучела, чтобы у них могли развиваться и все время совершенствоваться меткость и сила правой руки. Стрелки из лука и пращники ставили себе для этого в качестве цели венки, т. е. связки прутьев или соломы, с тем чтобы, отойдя от цели шагов на 600, стрелами и камнями из пращи часто попадать в эту цель. Поэтому они без замешательства делали в боевом строю то, что они всегда делали на поле, как бы играя. Надо еще приучиться только один раз повернуть пращей над головой, когда из этой пращи кидается камень. Кроме того все воины учились бросать просто рукою фунтовые камни; такой прием считается более удобным, так как для него не нужна праща. Также в постоянном и непрерывном упражнении они должны были направлять удары копий и свинцовых шаров; это делалось настолько постоянно, что во время зимы для всадников—портики, а для пехотинцев—здания вроде базилик покрывались черепицей или дранкой, а если их не было, то тростником, осокой или соломой; в этих помещениях во время бурной погоды или когда наружи дуют сильные ветры, войско упражнялось под крышей в употреблении оружия. В остальные зимние дни, если только не шел снег и дождь, оно должно было упражняться в поле, чтобы ни дух воинов, ни их тела не расслаблялись благодаря перерыву в привычных упражнениях. Очень часто надо заставлять рубить лес, носить тяжести, прыгать через рвы, плавать в море или в реках, полным шагом ходить или бегать даже в вооружении со своим багажом, чтобы благодаря привычке к ежедневному труду во время мира он не казался им тяжелым во время войны. Будет ли это легион или вспомогательные отряды, пусть они упражняются постоянно. Ибо насколько хорошо обученный воин жаждет сражения, настолько необученный боится его. В конце концов нужно знать, что в битве выучка приносит больше пользы, чем сила: если воин не обладает искусством владения оружием, нет никакой разницы между воином и простым деревенским жителем. 24. Атлет, охотник, возница из-за незначительной выгоды или даже ради расположения со стороны народа ежедневным упражнением обычно сохраняют или усовершенствуют свое искусство; с тем большим старанием воин, руками которого должно быть сохранено государство, непрерывными упражнениями должен сохранять свое знание военного дела, свой навык к боевой практике; ведь на его долю достается не только славная победа, но и богатейшая добыча; обычно его ведут к богатству и высокому положению порядок военной службы и суждение о нем императора. Артисты сцены не отказываются от упражнений ради славы среди публики;

воин же, будь то новобранец или заслуженный ветеран, связанный священной клятвой, не должен уклоняться от упражнений, как ему владеть оружием; ведь ему приходится сражаться за собственное спасение, за общую свободу. В самом деле, глубоко правильна старинная поговорка: всякое искусство зависит от упражнения.

25. Легион обычно одерживает победу не только численностью своих воинов, но и родом своего вооружения. Прежде всего он снабжается такими копьями и дротиками, каких не могут выдержать никакие брони и панцири, никакие щиты. Обычно каждая центурия имеет свою «карробаллисту» (баллисту, поставленную на повозку), к которым приписываются мулы для перевозки и по одному человеку из каждой палатки, т. е. 11 человек; для ее обслуживания и наводки. Чем эти баллисты больше, тем дальше и сильнее они бросают стрелы. Они не только защищают лагерь, но и в поле они ставятся позади тяжеловооруженной пехоты. Силе их удара не может противостоять ни вражеский всадник, одетый в панцирь, ни пехотинец, защищенный щитом. Таким образом, в одном легионе обычно бывает 55 карробаллист. Равным образом 10 «онагров», т. е. по одному на когорт; их со всем их снаряжением везут на повозках быки, с тем чтобы в случае, если враги явятся для штурма вала, можно было защищать лагерь, бросая стрелы и камни. Кроме того легион имел при себе еще челноки, выдолбленные из цельных стволов, с очень длинными канатами, а иногда и железными цепями. Соединив между собой эти, как их называют, однодеревки (моноксилы) и постлав поверх их настил из досок, и пехота и конница безопасно переходит по ним без мостов через такие реки, через которые нельзя перейти вброд. В числе легионного оборудования находятся железные крючья (гарпагоны), которые называют волками, и железные серпы, прикрепленные к очень длинным шестам, а затем для работ по проведению рвов—двузубые мотыги, заступы, лопаты, корзины и ящики, чтобы в них носить землю. Тут же и двойные и простые топоры, пилы, плотничий инструмент, чем обтесываются и отпиливаются столбы (для палисада). При легионе находятся также ремесленники с набором железных инструментов, которые делают нужные для осады неприятельских городов черепахи (testudines), прикрития для пролома стен (musculi), тараны, винеи (крытые навесы для тарана), как их называют, а также подвижные башни. Одним словом, чтобы не говорить очень долго, перечисляя все поодиночке,—легион должен иметь при себе и возить с собою все, что считается нужным при любом роде войны, чтобы разбитый на любом месте лагерь мог обратиться в вооруженный город.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Древние летописи рассказывают, что раньше македонян владыками мира были афиняне и лакедемоняне. Правда, у афинян процветало занятие не только военным делом, но и различными другими искусствами, у лакедемонян же исключительной заботой была война. Они были первыми, которые, как утверждают, опираясь на опыт, полученный в сражениях, пришли к определенным выводам и написали об этом книги; военное дело, которое по всеобщему представлению зависит от одной только доблести и до известной степени от счастья, они сделали предметом опыта и изучения, сведя к системе дисциплины и тактики. Они выдвинули учителей военного искусства, которых они называли тактиками, чтобы они обучали их молодежь практике и различным приемам владения оружием. О мужи, заслуживающие величайшего удивления! Они пожелали изучить

главным образом то искусство, без которого остальные искусства не могут существовать. Следуя их установлениям, римляне не только практически применили эти законы военного дела, но написали и книги по его теории. Разбросанное у различных писателей по различным их книгам ты, непобедимый император, приказал моему ничтожеству изложить в сокращенном виде: чтение обширных и многочисленных сочинений может надоесть; от знакомства же с немногими работами могло не получиться полного понимания. Какую пользу принесла тактика в сражениях лакедемонянам, не говоря обо всем другом,—ясно на примере Ксантиппа: явившись к карфагенянам в единственном числе и подав им помощь не силой и доблестью, а знанием и искусством, он, разбив наголову неприятельские войска, взял в плен Атилия Регула и все римское войско и блестящей победой в одном сражении закончил всю войну. Равным образом и Ганнибал, собираясь напасть на Италию, нашел себе одного лакедемонянина¹ в качестве учителя тактики, следуя наставлениям которого он погубил столько консулов и уничтожил столько легионов, хотя уступал им и по силам и по численности войск. Таким образом, кто хочет мира, пусть готовится к войне; кто хочет победы, пусть старательно обучает воинов; кто желает получить благоприятный результат, пусть ведет войну, опираясь на искусство и знание, а не на случай. Никто не осмеливается вызывать и оскорблять того, о ком он знает, что в сражении он окажется сильнее его.

1. Первая моя книга дала ряд указаний о наборе новобранцев и об их упражнениях, вторая дала описание устройства и внутреннего распорядка легиона, в этой третьей слышен звук боевых труб. Затем ведь сделаны эти предварительные указания, чтобы то, о чем я буду говорить здесь, в чем заключается все искусство боя и от чего зависят решительные моменты победы, при наличии надлежащего порядка и выучки в легионе было и более понятно и принесло больше пользы.

Войском называется объединение как легионов, так и вспомогательных отрядов, а также и конницы на предмет ведения войны. Какой величины оно должно быть, этот вопрос разбирается специалистами по тактике. Когда разбираются примеры Ксеркса, Дария, Митридата и остальных царей, которые вооружили бесчисленные народы, то становится совершенно ясно, что чересчур огромные войска погубили себя скорее вследствие своей собственной многочисленности, чем вследствие доблести врагов. Ведь большее количество подвергается и большим случайностям: во время переходов оно в силу своей громадности более медлительно; при более растянутом строе ему обычно приходится страдать от нападения даже небольшого войска; при переходе по местностям суровым или при переходе через реки оно часто приходит в замешательство вследствие замедления, причиняемого обозом; кроме того огромную трудность представляет заготовка фуража для многочисленных вьючных животных и верховых лошадей. Также и трудности по заготовке продовольствия, которых должно избегать при всяком походе, начинают быстро тяготить более многочисленную армию. Ведь с каким бы старанием ни были заготовлены запасы продовольствия, они тем скорее истощатся, чем большее число людей будет из них получать пропитание. Наконец, самой воды часто едва хватает для чрезмерного множества. Если случится, что войско, повернув тыл, отступает, ввиду его многочисленности при этом неизбежно погибают многие, а те, которым удалось спастись бегством, раз уже напуганные, потом боятся вступать в сражение. Вот почему древние, которые на опыте научились находить лекарства против этих

¹ Вероятно, Созил, о котором мы имеем указания у Корнелия Непота, как о друге и биографе Ганнибала.

трудностей, желали иметь войска не столь большие по численности, но зато хорошо обученные владеть оружием. Поэтому при небольших войнах они считали достаточным один легион с присоединением к нему вспомогательных отрядов, т. е. 10 000 пехоты и 2 000 всадников; такой отряд водили часто в поход преторы как младшие вожди. Если предвиделись большие силы врагов, против них посылался носитель консульской власти с 20 000 пехоты и 4 000 всадников как старший комит. Если поднимали восстание большое количество племен, притом наиболее диких, тогда под давлением крайней необходимости посылались два вождя с двумя войсками и со следующим приказом: «пусть позаботятся, дабы не получило государство какого-либо ущерба, оба консула вместе или каждый в отдельности». Одним словом, хотя почти в течение всего времени римлянам приходилось сражаться в различных странах и против различных врагов, все же и в этом случае хватало военных отрядов, потому что они считали более полезным иметь не крупные армии, но большее количество их, всегда сохраняя, однако, такое положение, чтобы никогда вспомогательные отряды союзников в лагере по своей численности не превышали числа римских граждан.

2. Теперь я укажу на то, на что, может быть, надо обратить особое внимание, а именно на санитарное состояние войска. Сюда входит выбор места, забота о питьевой воде, о времени года, о медицинском обслуживании, о роде упражнений. Что касается места, то оно не должно находиться в зачумленной местности, около зараженных миазмами болот, а также не должно быть на холмах и полях, сожженных солнцем, без деревьев и растительности; воины не должны в течение лета оставаться без палаток. Пусть они не выступают очень поздно, чтобы не захворать от солнечной жары и утомительного пути, но пусть, выступив в поход до света, ко времени жары они уже достигнут назначенного места. Во время суровой зимы пусть не делаются ночные переходы по снегу и морозу, пусть воины не страдают от недостатка дров или от того, что им выдано одежды меньше, чем полагается. Воин, который мерзнет от холода, не может считаться здоровым и негоден для похода. Пусть войско не пользуется вредной или болотной водой; питье испорченной воды, подобно яду, вызывает у пьющих заразу. В этом случае непрестанной заботой их непосредственных начальников, трибунов и даже самого комита, который имеет для всего этого наибольшую возможность, должно быть: чтобы захворавшие сотоварищи имели возможность поправиться благодаря хорошей пище и получили уход со стороны искусных врачей. Плохо тем, которым сверх военной тяготы приходится переносить еще бедствия болезней. Но люди опытные в военном деле полагали, что для здоровья воинам приносят больше пользы физические упражнения, чем врачи. Поэтому они хотели, чтобы пехотинцы без перерыва занимались упражнениями во время дождя и снега под крышей, в остальное время—на открытом поле. Равным образом они приказывали, чтобы и всадники со своими конями постоянно упражнялись не только на ровных местах, но и на обрывистых, изрытых канавами, труднопроходимых тропинках, чтобы в тяжелый момент боя не могло представиться ничего такого, что им не было бы заранее известно. Из этого можно заключить, с каким старанием войско должно всегда заниматься военными упражнениями, если привычка к такому труду при лагерной жизни дает здоровье, а при столкновении с врагом—победу. Если осенью или летом вся масса воинов стоит очень долго на одних и тех же местах, то происходит заражение вод, от зловония портится воздух, которым дышат воины, а отсюда происходят опаснейшие болезни; помешать этому можно только частой переменой лагерных стоянок.

3. Порядок изложения требует, чтобы было сказано о заготовке провианта, фуража и зерна. Чаще войско губит недостаток продовольствия, чем битва: голод страшнее меча. Если недостаток чувствуется в чем-либо другом, то его можно на месте пополнить и поправить, но в случае тяжелого положения с продовольствием и фуражом—нет другого лекарства от этого бедствия, как только заранее произведенная их заготовка. Во всяком походе лучшее твоё оружие—чтобы у тебя было в изобилии пищи, а враги страдали от голода. Итак, прежде чем начать войну, должно всесторонне рассмотреть, сколько нужно запасти и какие будут расходы, чтобы затем своевременно завезти фураж, зерно и остальные виды продовольствия, которые обычно поставляются из провинций; затем следует их сложить в удобных для доставки и укрепленных местах, собрав всего этого больше, чем требуется по расчетам. Если обязательных поставок нехватает, нужно ходатайствовать о выдаче денег и все заготовить. Ведь нельзя спокойно владеть богатствами, если они не охраняются силою оружия. Но часто сложившиеся обстоятельства по необходимости требуют двойного расхода. Часто осада бывает продолжительнее, чем ты думал, так как враги, сами уже голодая, не прекращают осаждать тех, которых они надеются победить голодом. Кроме того, если вторгается враг, то весь скот, все какие бы то ни было зерновые посевы или вино, которые враг может захватить для своего пропитания, нужно свезти в удобные для этого укрепления, защищенные вооруженными гарнизонами, или же собрать в совершенно безопасных городах. Это нужно сделать путем эдикта, не только убедив в такой необходимости владельцев, но даже и силой заставив их выполнить это, и назначить для этого конвойные отряды. От жителей провинций надо настойчиво потребовать, чтобы еще до вторжения они и себя и свое достояние укрыли в стенах (городов). Еще раньше этого надо позаботиться о поправке стен и всех метательных орудий. Ибо если только враги застанут нас еще занятыми таким делом, все от страха придет в беспорядок, а то, что можно было получить из других городов, становится недоступным из-за перерыва сообщения. Но при надежной охране амбаров и умеренной выдаче, обычно в зависимости от средств, войску никогда не грозит недостаток, особенно если с самого начала приняты меры предосторожности. Поздно уже наводить экономию, когда уже нечего беречь. При тяжелых походах в древности продовольствие выдавалось воинам больше по головам, чем по рангу с тем, однако, чтобы по миновании трудных моментов все удержанное было им возмещено государством. Нужно всячески наблюдать, чтобы не было затруднений зимой в дровах и в фураже, летом в воде. Во всякое время не должно существовать недостатка в зерне, уксусе, вине, а особенно соли. Равным образом пусть города и крепости защищаются теми воинами, которые считаются менее подходящими для строевой службы; пусть они охраняют эти места оружием, стрелами, фустибалами, ручными баллистами, пращами, камнями из онагров и баллист. Особенно следует остерегаться, чтобы чистосердечная простота провинциалов не поддавалась на хитрость и коварные обещания врагов. Чаще всего приносили вред легковерным притворные разговоры о переговорах и о мире. При таком порядке враги, если они собраны вместе, страдают от голода, а если они рассеиваются мелкими отрядами, то при частых на них нападениях они легко побеждаются.

4. Иногда войско, собранное из разных мест, поднимает мятеж и, не желая сражаться, делает вид, что оно полно негодования, почему его не ведут на войну. По большей части это делают те, которые на своих стоянках жили долго в покое и роскоши. Непривычные к суровому образу жизни, ненавидя труд, который им неизбежно придется переносить в по-

ходе, кроме того боясь сражений, так как уже раньше они уклонялись от военных упражнений, они теперь прибегают к такой дерзости. Обычно подобную рану лечат многочисленными средствами. Пока они живут отдельно и каждый находится в своем помещении, надо, чтобы трибуны или их заместители, а также их непосредственные начальники заставляли их с самой непреклонной суровостью заниматься всяким обучением и требовали от них исключительной выдержки и послушания. Они должны постоянно делать военные упражнения на поле—«капмикурсионны» (бега на поле), как они их сами называют, [у них постоянно проверяют, в порядке ли оружие]; они не должны иметь никаких отпусков, обязаны непрерывно наблюдать за приказами и сигналами, стрелять из лука, бросать копья, кидать камни из пращи или рукою, делать движения при полном вооружении, при помощи коротких палок вместо мечей учиться колоть и рубить; в этих занятиях их должно задерживать большую часть дня до пота. В той же степени их нужно заставлять учиться бегать и прыгать, чтобы уметь преодолевать рвы. Если есть по соседству с их стоянкой море или река, то в летнее время нужно заставлять всех плавать, кроме того рубить леса, прокладывать пути по зарослям и отвесным скалам, обтесывать деревья, рыть рвы, уметь занимать то или другое место и, выставив щиты, не дать товарищам столкнуть их с позиции. Когда воины—будь то легионеры или вспомогательные отряды или всадники—пройдут такие упражнения и такую выучку на местах своего жительства, они впоследствии, когда соберутся для похода из различных отделений, конечно, из чувства соревнования скорее будут желать сражения, чем покоя: никто не помышляет о мятеже, кто носит у себя в груди уверенность в своем искусстве и силах. С другой стороны, и военачальник должен действовать осторожно: при содействии своих трибунов, их заместителей и низшего командного состава он должен узнать, кто в легионах, во вспомогательных отрядах или конных батальонах является беспокойным и мятежным элементом; это он должен разузнать по всей справедливости, а не доверять завистливым нашептываниям наушников. Этим лиц он должен со всей предусмотрительностью выделить из лагеря и послать на выполнение какого-либо дела, которое для них самих могло бы показаться желательным, например, для укрепления и охраны крепостей и городов; и сделать это он должен так тонко, чтобы те, которые высылаются, думали, что они почтены особым избранием. Никогда вся масса по единодушному решению не нарушает порядка, но она подстрекается немногими, которые надеются на безнаказанность за свои пороки и преступления в случае, если их вину разделят многие. Если же крайняя необходимость советует применить лечение железом, то наиболее правильным будет, по обычаю предков, наказать зачинщиков, чтобы страх поразил всех, а наказание—немногих. Но более заслуживают похвалы те вожди, войско которых приведено к послушанию трудом и привычкой к упражнению, чем те, чьих воинов ужас казней заставил оказать повиновение.

5. В сражении бойцам нужно прислушиваться ко многим приказам и сигналам, так как там, где идет борьба за жизнь и победу, нет прощения за малейшую небрежность. Среди всего другого ничто так не содействует победе, как точное выполнение подаваемых сигналов. Так как вся масса не может управляться среди смятения боя голько приказаниями, даваемыми голосом, и так как само положение дел часто заставляет немедленно что-либо приказать или сделать, то издревле опыт всех народов нашел средство, каким образом то, что один вождь считает полезным сделать, могло бы при помощи сигнала узнать и выполнить все войско. Установлено три вида сигналов: словесные (*vocalia*), звуковые (*semivocalia*) и немые

(muta). Из них первые два воспринимаются слухом, последние относятся к зрению. Словесными называются те, которые произносятся человеческим голосом; в караулах и в сражении они служат паролем, например: «победа», «слава оружия», «доблесть», «с нами бог», «триумф императора» и всякие другие, какие захочет дать тот, кто в данное время является главным начальником над войском. Но должно помнить, что эти пароли должны каждый день меняться, чтобы при более длительном пользовании ими враги не узнали их и их шпионы не могли безнаказанно вращаться среди нас. Звуковые сигналы те, которые даются трубачом, горнистом или на рожке. Трубой называется прямой (медный) инструмент; рожком (*bucina*) называется медный инструмент, который свернут в виде кружка; а горнист играет на роге дикого зубра, обложенном (по краю) серебром; если дуть в него умело и не сильно, то звуки его очень певучи. По звукам этих инструментов, не вызывающим никакого сомнения, войско тотчас узнает, нужно ли стоять на месте, или двигаться вперед, или даже отступать, [далее ли преследовать бегущих врагов, или бить отбой]. Немыми сигналами служат орлы, драконы, значки (*vexilla*), флажки (*flamulae*), конские хвосты, пучки перьев. Куда предводитель прикажет нести эти знамена, туда за ними необходимо следовать и воинам, сопровождающим свое знамя. Есть и другие немые сигналы, которые предводитель на войне приказывает хранить на конях или на одеяниях и даже на самом оружии, чтобы различить врагов от своих; кроме того он дает знак рукой, или бичом, по варварскому обычаю, или особым движением носимой им одежды. Ко всему этому воины приучаются на своих стоянках, в походах, во время лагерных упражнений, чтобы следовать за этими сигналами и их понимать. Ясно, что необходимы непрерывный навык и упражнения во время мира в том, что должно быть применено и использовано в пылу сражения и в смятении боя. Равным образом немым и общим сигналом является пыль, поднятая войском во время движения: она поднимается, как облако, и выдает приближение неприятеля; равным образом, когда войска бываю разделены, то ночью подают своим союзникам знаки огнем, а днем — дымом, если иначе никак нельзя передать известий. Некоторые на башнях укреплений или городов подвешивают балки, при помощи которых они сообщают, что у них делается, то поднимая их прямо, то опуская.

б. Те, кто очень старательно изучил военное дело, утверждают, что обычно большим опасностям подвергается войско во время переходов, чем во время самого боя. При столкновении все вооружены, врага видят лицом к лицу и на бой идут подготовившись; во время же перехода воин легче вооружен, менее внимателен и, подвергшись внезапному нападению или коварной засаде, он сразу теряется. Поэтому предводитель со всей тщательностью и заботливостью должен предусмотреть, чтобы во время марша не подвергнуться нападению или в случае, если оно произошло, легко и без потерь его отразить. Прежде всего поэтому он должен иметь очень точно составленные планы (*itineraria*) тех местностей, где идет война, так чтобы на них не только были обозначены числом шагов расстояния одного места до другого, но чтобы он точно знал и характер дорог, принимал во внимание точно обозначенные сокращения пути, все перепутья, горы, реки. Это до такой степени важно, что более предусмотрительные вожди, как утверждают, имели планы тех провинций, которые были ареной их военных действий, не только размеченными, но даже разрисованными, чтобы можно было выбрать направление, руководясь не только разумными предположениями, но, можно сказать, видя воочию ту дорогу, по которой они собираются идти. Кроме того военачальник должен о каждой отдельной мелочи расспрашивать поодиночке людей разумных, пользующихся уважением

и знакомых с местностью, и для установления истины собирать сведения от многих, чтобы иметь точные данные. Кроме того, [при опасности ошибиться в дороге] надо заранее выбрать подходящих и знающих проводников и держать их под караулом, поставив перед ними на выбор возможность или заслужить награду или подвергнуться наказанию. Они будут полезны, если поймут, что им нет никакой возможности бежать и что за добросовестное выполнение их ждет награда, а за измену им готова казнь. Надо предусмотреть и то, чтобы эти проводники были людьми знающими и опытными в своем деле, чтобы ошибка двух или трех человек не поставила в критическое положение всех. А затем нужно помнить, что неопытная деревенщина всегда обещает чересчур много и уверена, что знает то, чего на самом деле она не знает. Но главнейшая мера предосторожности должна состоять в том, чтобы никому (из посторонних) не было известно, в какие местности и какими путями пойдет войско. Ведь при походах считается, что тайна всех мероприятий является лучшим средством для безопасности. Поэтому древние в своих легионах имели изображение Минотавра¹; этим имелось в виду показать, что, подобно тому как это чудовище держалось во внутренних и самых недоступных тайниках лабиринта, точно так и план военачальника должен быть скрытым. Спокойным является тот путь, движение по которому враги менее всего подозревают. Но так как, конечно, разведчики, посланные и с другой стороны, узнают о движении нашего войска, или просто догадываясь об этом, или видя это своими собственными глазами, а иногда бывают и перебежчики и предатели, то нужно теперь сказать, каким образом должно расстроить их попытки и им противодействовать. Когда вождь собирается двинуться со всем своим войском в поход, пусть он пошлет людей наиболее верных и наиболее хитрых и осмотрительных на отборных конях, чтобы они осмотрели те местности, по которым предстоит идти, и впереди и в тылу, и справа и слева, чтобы враги не устроили какой-нибудь засады. Разведчики делают это спокойнее ночью, чем днем. Само себе как бы создает предателя то войско, чей разведчик попадает в руки врагов. Пусть передовым отрядом идут всадники, затем пехотинцы; обоз, вьючные животные, обозные служители и повозки должны находиться в центре, так чтобы за ними была часть конницы и пехоты, готовая отразить нападение. При передвижении войска, правда, враги нападают иногда спереди, но чаще это нападение совершается с тылу. Таким же отрядом вооруженных должен прикрываться обоз и с флангов, так как на них очень часто нападают из засады. Особенно надо быть внимательным к тому, чтобы та часть колонны, на которую, можно думать, будет произведено нападение со стороны врагов, была наиболее укреплена выставленными против врагов отборными всадниками и отрядами легковооруженной пехоты, а также пешими стрелками. Даже если бы враги окружили все войско, и то со всех сторон должны быть приготовлены отряды для отпора. Чтобы при таких внезапных нападениях и вызванных ими смятениях не было нанесено слишком большого урона, следует предупредить воинов, чтобы они были спокойны и держали оружие наготове: в тяжелые минуты! устрашает внезапность, а то, что ожидалось и предвиделось, не внушает страха. Древние писатели особенно усиленно предостерегали, чтобы, в случае если раненые обозные служители—а это иногда случается—испугаются и вьючные животные от криков начнут проявлять беспокойство, пусть сражающиеся воины не смущаются и пусть они не растягивают ряды длиннее обычного и не сбиваются в кучи больше, чем это нужно,

¹ Об этом говорит и Плиний («Естест. история», X, 4). Так как здесь имеется в виду до-маринский легион, то не было ли это просто изображение быка (тотем рода), столь частое в древнем искусстве?

служа помехой для своих и оказывая этим помощь врагам. Вот почему они вели и обоз, выстроив его под определенными знаменами, по примеру регулярных войск. Наконец, из самих обозных служителей, которых называют «галиариями», они выбирали подходящих и опытных и давали в их распоряжение не более 200 вьючных животных и их погонщиков. Им они давали флажки, чтобы все знали, под какое знамя должен собираться тот или другой обоз. Передовые бойцы отделяются от обоза известным промежутком, чтобы обоз не пострадал во время сражения из-за скученности. Когда войско находится в походе, то в зависимости от различного профиля местности меняется и метод защиты. Так например, в открытом поле обычно более отражают нападение всадники, а не пехота; наоборот, в местах лесистых, гористых или болотистых должна внушать больше страха пехота. Особенно следует избегать, как бы по небрежности, когда одни торопятся идти вперед, а другие движутся медленнее, не произошел разрыв строя или по меньшей мере его утоньшение: враги ведь не замедлят ворваться в эти промежутки. Поэтому должны быть назначены¹ очень опытные эскерцирмейстеры, заместители или сами трибуны, которые бы задерживали более скорых и побуждали двигаться скорее тех, кто идет чересчур лениво. Ведь те, которые далеко ушли вперед, в случае нападения предпочитают бежать, а не возвращаться назад. Те же, которые оказались далеко позади, покинутые своими, побеждаются и силою врагов и своим отчаянием. Нужно также знать, что враги в тех местах, которые они считают для себя удобными, устраивают скрытые засады или, открыто нападая, вступают в открытый бой. Чтобы такие тайные засады не принесли вреда, в этом проявляется заботливость вождя, которому следует заранее все исследовать. Засада, захваченная врасплох, если она сама будет как следует окружена, в свою очередь подвергается большей опасности, чем та, которую она готовила противнику. Если враг захочет в гористой местности напасть открытой силой, нужно послать вперед отряды и занять более возвышенные места, чтобы приближившийся враг увидал, что он находится ниже, и не осмелился двигаться дальше, так как частью перед собой, частью над собою он увидит вооруженных воинов. Если дороги узки, но безопасны, то все же лучше послать вперед воинов с топорами и секирами и, несмотря на трудность, расширить эти дороги, чем подвергаться опасности, пользуясь лучшей дорогой. Кроме того мы должны знать привычки врага: когда он обычно нападает, ночью или на рассвете, или на усталых в час отдыха, и надо стараться избежать того, что он, как мы думаем, будет делать в силу своей привычки. Вместе с тем нам нужно знать, в чем заключается его главная сила, в пехоте или коннице, в копейщиках или стрелках, блистает ли он численностью людей или крепостью оружия, и все нужно устроить так, чтобы все это было нам полезно, для него же послужило во вред. Нужно также обдумывать, лучше ли начинать путь днем или ночью, каково расстояние от тех мест, куда мы спешно хотим прийти, чтобы во время пути летом не страдать от недостатка воды, чтобы зимою не встретились трудно проходимые или вообще непроходимые болота или очень многоводные горные потоки; при таком затруднительном пути войско может быть окружено (и погибнуть) раньше, чем придет к назначенной цели. Насколько делом нашей находчивости и искусства является избегать подобных возможностей, настолько же важно, если неопытность и ошибки врагов предоставят нам какой-либо удобный случай, не упустить его; надо старательно все выследить, привлечь на свою сторону изменников и перебежчиков, чтобы мы могли точно знать, что враг замышляет в настоящее время или на будущее;

¹ Другое чтение: «должны быть между отрядами поставлены».

у нас должны быть готовы всадники и легковооруженная пехота, чтобы, напав на врагов врасплох, когда они разойдутся в поисках себе фуража и продовольствия, поразить их страхом.

7. Тяжкие бедствия в больших размерах постигают за небрежность при переходе через реки. Если течение реки очень сильно, если русло ее очень широко, то часто она становится могилой для обозов, их служителей, а иногда и для наименее ловких бойцов. Так вот, найдя брод, пусть будут направлены две линии всадников на отборных конях, отделенные друг от друга достаточным расстоянием, так чтобы между ними могли пройти пехота и обоз. Первый ряд сдерживает напор воды, второй подбирает и перевозит тех, кто был захвачен или опрокинут течением. Если же река настолько глубока, что не позволяет пройти вброд ни пехоте, ни коннице, и если она течет по ровному месту, то проводятся каналы, и река разделяется на много рукавов и тем самым становится легко проходимой. Если реки судоходны, то вбиваются колья, на них кладутся доски, и реки становятся переходимыми; при большей же спешности связываются пустые бочки, на них накладываются балки, что дает возможность совершить переход. Легковооруженные всадники, сделав связки из сухого тростника или осоки, положив на них свои панцири и оружие, чтобы не замочить его, сами обычно со своими конями переправляются вплавь, таща с собой на вожжах сделанные связки. Но более удобным считается следующее: войско везет за собой на повозках однодеревки, т. е. довольно широкие челноки, выдолбленные из одного ствола; по самому качеству дерева, и так как они сделаны тонкими, они очень легки; вместе с ними заранее заготавливают доски для настила и железные гвозди. Таким образом без промедления строится мост: связанный канатами, которые имеются для этой цели, он на время представляет устойчивость каменной арки. Враги спешат устроить засады или сделать нападение при таких переправах. В силу этого на том и на другом берегу помещаются для охраны вооруженные отряды, чтобы войско, разделенное находящимся в охранным руслом реки, не было подавлено врагами. Но вернее и безопаснее, предварительно вбив колья, <устроить укрепление> и с той и с другой стороны и благодаря этому выдержать без всяких для себя потерь натиск врагов, если ими будет совершено нападение. Если такой мост предназначается не только для перехода, но и для обратного пути и будет нужен для доставки продовольствия, тогда на том и другом конце его должны быть вырыты более широкие рвы и сделана насыпь, и этому укреплению должны быть даны в качестве защитников воины, которые должны занимать его до тех пор, пока этого будут требовать развертывающиеся в этих местах события.

8. Непосредственно после того как я описал, какие предосторожности должны быть приняты во время пути, надо, повидимому, перейти к вопросу об устройстве лагеря, где это войско должно останавливаться. Во время войны не всегда может встретиться защищенный стенами город для временного отдыха или долгой стоянки. С другой стороны, крайне неосторожно и сопряжено с большой опасностью допустить, чтобы войско остановилось где-либо без всяких укреплений, так как ведь воины, занятые приготовлением пищи, разошедшиеся по разным делам, легко могут подвергнуться нападению из засады. Кроме того может представиться удобный случай для внезапного набега врагов вследствие темноты ночи, необходимости сна для воинов, особенно если разредятся во все стороны по пастбищу лошади всадников. Когда разбивается лагерь, недостаточно выбрать просто хорошее место, надо, чтобы оно было лучшим в этой местности, а то может случиться, что лучшее, упущенное нами, будет занято врагом, и тем нам будет нанесен ущерб. Надо обращать внимание на то,

чтобы в летнюю пору вредная вода не была близко или здоровая далеко, а зимой—чтобы не было недостатка в фураже и дровах, чтобы при внезапных бурях поле, где будет разбит лагерь, не заливалось обычно водой, чтобы лагерь не стоял на отвесных скалах и непроходимых путях, так что при осаде врагами трудно из него уйти, чтобы в него не могли попадать копья и стрелы, пускаемые с более высокого пункта. Приняв со всей тщательностью все эти меры предосторожности, в зависимости от профиля местности ты будешь строить лагерь или квадратным, или круглым, или треугольным, или в виде продолговатого четырехугольника. Пусть форма лагеря не ставится выше полезности, но все же более красивым считается, если длина на треть превышает ширину. Обмер площади лагеря должен быть произведен межевиками (агримензорами), так чтобы при этом они исходили из количества войск. При узком лагере защитники сбиваются толпами, а при более широком, чем нужно, они рассеиваются. Специалисты военного дела устанавливают три способа укрепления лагеря. Во-первых, когда нужно провести одну ночь и во время пути занять лагерь легкого типа; тогда укладывают рядами снятый дерн и делают насыпь, поверх которой устраивают палисад, т. е. вбивают один за другим ряд деревянных кольев или же ставят капканы (трибулы). Дерн обрезается железными лопатами; корнями травы он задерживает землю; каждый кусок дерна имеет высоту в полфута, такую же длину, ширину— в фут. Если земля сыплется, так что нельзя нарезать дерна, чтобы сделать подобие (кирпичной) стены, тогда спешно выкапывается ров в 5 футов шириной, в 3 фута глубиной, за которым внутри насыпается вал, так чтобы войско спокойно и без страха могло отдыхать. Лагерь для длительной стоянки и летом и зимою по соседству с врагом укрепляется с большей заботой и с большим трудом. Отдельные центурии по распределению своих экзерцирмейстеров и низшего командного состава получают определенное отмеренное пространство для работы. Поставив свои щиты и сложив багаж вокруг своего знамени, они, опоясанные мечами, копают ров в 8—11—13 футов шириной, а если надо особенно бояться, что враг очень силен, то даже в 17 футов—обычно принято брать нечетное число; затем проводится насыпь; для того чтобы земля не обсыпалась, она закрепляется пропущенными через нее кольями, или положенными внутрь стволами и ветвями деревьев. Над этой насыпью для сходства со стеной устраиваются и зубцы и бойницы. Эту работу центурионы промеряют масштабами в 10 футов, чтобы из-за чьей-либо лени ров не был вырыт меньше и не была допущена ошибка; трибуны—наиболее заботливые из них—в свою очередь обходят работы, наиболее усердные не уходят, пока не окончена вся работа. Чтобы на занятых работой не было произведено внезапного нападения, вся конница и не занятая работой часть пехоты—это привилегия более высокого звания—стоят перед валом вооруженные, в полной боевой готовности и отражают врага, если он задумает произвести нападение. Затем, прежде всего на своем определенном месте внутри лагеря ставятся знамена, так как для воинов нет ничего, что бы они чтили с большим уважением и считали более великим; после этого разбивается палатка полководцу (преторий) и его свите, а затем размещаются палатки трибунов, которым через назначенных для этого обслуживающих ординарцев доставляются вода, дрова и фураж. Далее распределяются места в лагере, где могут разбить палатки, по их рангу, легионы, вспомогательные отряды, всадники и пехотинцы. Из каждой центурии по 4 всадника и по 4 пехотинца назначаются в ночной караул. И так как казалось невозможным, чтобы один человек в течение всей ночи на карауле был бдительным, то ночная стража была разделена по водяным часам на 4 части, так чтобы каждому приходилось стоять на

страже ночью не больше 3 часов. Все стражи начинаются по знаку горниста; когда же кончаются часы караула, трубят в рог. Кроме того трибуны выбирают наиболее подходящих и испытанных лиц, которые бы обходили сторожевые посты и могли бы дать знать, если выявляется какая-либо неправильность. Их называют «обходчиками» (циркумиторы). Ныне это стало военным чином, и они называются цирциторами. Должно помнить, что всадники обязаны нести ночной караул вне стен лагеря. В течение же дня, когда лагерь уже устроен, одни несут пикеты рано утром, другие—после полудня, в зависимости от усталости людей и лошадей. Одна из первейших задач вождя—позаботиться, находится ли войско в лагере, или в городе, чтобы выпасы для животных, подвоз зерна и других видов продовольствия, получение воды, дров и фуража могли производиться безопасно от нападений врагов. А добиться этого можно не иначе, как расположив в удобных местах на том пути, по которому движется наш подвоз, охранные отряды в укреплениях, будь то города, или крепости, огражденные стенами. Если нет подходящего старинного укрепления, то на подходящих местах, окружив их большими рвами, наскоро строясь крепосцы (*castellum*). Это слово заимствовано как уменьшительное от слова «лагерь» (*castra*). В этих крепостцах в качестве сторожевых постов находится известное число пехотинцев и всадников, охраняющих путь, по которому везут нам продовольствие. Едва ли враг решится пойти в те места, где, как ему известно, и спереди и с тылу у него находятся противники.

9. Всякий, кто сочтет для себя достойным прочесть эти маленькие заметки о военном искусстве, сокращенно изложенные мною на основании наиболее авторитетных книг, прежде всего пожелает узнать, по каким расчетам дается решительный бой. Открытое столкновение ограничивается двумя или тремя часами боя, после чего у побежденной стороны пропадает всякая надежда. Поэтому нужно раньше обо всем подумать, попытаться все сделать прежде, чем дело дойдет до этой роковой черты. Хорошие вожди всегда пытаются не в открытом бою, где опасность является общей, но тайными мерами насколько возможно погубить врагов или во всяком случае навести на них ужас, сохраняя невредимыми своих. То, что по этой части древние сочли наиболее важным, я сейчас опишу. Для вождя наиболее полезным и искусным приемом является выбрать из всего войска знающих военное дело и мудрых людей и, устранив всякую лесть, которая в этом случае крайне вредна, чаще вести с ними беседы о своем и о вражеском войске, о том, у кого больше бойцов, у нас или у врагов, чьи люди лучше вооружены и снабжены, чьи более обучены, чьи более мужественны в тяжелых условиях. Нужно разобрать, на чьей стороне лучшая конница, на чьей—пехота, а надо знать, что в пехоте заключается сила войска; по отношению к коннице надо выяснить, какая сторона превосходит другую сторону копейщиками, кто стрелками, у кого больше одетых в панцири и у кого они лучше, чьи кони более выносливы; наконец, следует выяснить, для кого благоприятнее сама местность, где придется сражаться—нам или неприятелю: если мы хвалимся конницей, нам нужно желать ровных полей; если пехотой, то нам нужно выбирать места узкие, пересеченные рвами, болотами, заросшие деревьями, несколько холмистые. Надо разобрать, у кого больше запасов продовольствия, или у кого их нехватает; ведь голод, как говорится, внутренний враг и очень часто побеждает без меча. Но главным образом надо обсудить, выгоднее ли оттянуть неизбежное или скорее вступить в бой. Ведь иногда противник надеется, что он может быстро окончить свой поход, и если он затягивается на долгое время, то враг или истощается вследствие недостатка, или тоска по своим близким заставляет

его уйти в родные земли; иногда отчаяние побуждает его удалиться, если он не может сделать ничего значительного. Тогда сломленные трудом, исполненные скуки очень многие в досаде покидают свое войско, некоторые становятся предателями, иные сдаются, так как при несчастиях редко держится слово верности, и многочисленное войско, которое сюда пришло многочисленным, начинает редеть. Имеет известное значение разузнать, каков сам неприятельский вождь, его свита и старшие командиры, легкомысленны ли они или осторожны, смелы или трусливы, знают ли они военное дело или сражаются, имея случайный опыт; какие племена у них храбрые, какие ленивые; насколько наши вспомогательные отряды верны, и каковы их силы; каково настроение армий врага, как чувствует себя наше войско, какая сторона может с большей уверенностью ожидать для себя победы. [Подобного рода расследованиями доблесть или увеличивается или сокрушается. У тех, кто отчаивался, смелость возрастает от ободряющих слов вождя, и если ясно, что он сам ничего не боится, растет бодрость и у войска, особенно, если, пользуясь засадой или каким-либо благоприятным случаем, совершишь какой-либо славный подвиг, если врага начнут постигать бедствия, если из числа врагов ты сумеешь победить более слабых или хуже вооруженных.] Нужно крайне остерегаться выводить когда-либо в открытое сражение войско колеблющееся и испуганное. Большая разница, состоит ли твое войско из новобранцев, или из старых и опытных воинов, было ли оно недавно в походе, или в продолжение ряда лет коснело в мире; ведь тех, которые долгое время уже не сражались, можно считать равными новобранцам. Если легионы, вспомогательные отряды и конница пришли из разных мест, хороший полководец должен их отдельные отряды поручить отборным трибунам, опытность которых известна, чтобы они обучили их всем видам употребления оружия, а затем, собрав их вместе, сам должен провести их учение, как будто им предстоит сражаться в настоящем открытом бою, должен сам неоднократно подвергнуть их испытанию, насколько они усвоили военное искусство, сколько у них сил, можно ли на них положиться, точно ли они повинуются приказам труб, указаниям сигналов, его словесным распоряжениям и даже простому его знаку. Если они ошибаются в чем-либо из этого, пусть они упражняются в этом и учатся до тех пор, пока не постигнут этого в совершенстве. И если они окажутся вполне обученными и маршировке, и стрельбе из лука, и метанию копий, и умению держать ряды, даже в этом случае они должны быть выведены на открытый бой не случайно, а при благоприятном случае. Но раньше они должны быть приготовлены к этому небольшими сражениями. Таким образом, вождь бдительный, выдержанный, разумный, приняв во внимание все указания о своем войске и войске врагов, пусть судит так, как будет судить судья в гражданском деле между двумя сторонами. И если будет найдено, что во многих отношениях он превосходит врагов, пусть он не откладывает вступить в выгодное для него сражение. Если же он поймет, что враг сильнее его, пусть избегает открытого боя; ведь и менее многочисленные и более слабые силами, устраивая внезапные нападения и засады, при хороших вождях часто одерживали победы.

10. Все искусство и всякий труд совершенствуются от ежедневного навыка и постоянного упражнения. Если это правило справедливо в малых делах, насколько же больше надо его придерживаться в больших. Кто может сомневаться, что военное искусство является выше всего: ведь им охраняются свобода и достоинство государства, защищаются провинции, сохраняется империя? Оставив все другие науки, его некогда исключительно чтители лакедемоняне, а после них римляне; одно только это искусство и ныне считают нужным беречь варвары; они

уверены, что в нем заключается и все остальное и что через него они могут достигнуть всего; оно необходимо для тех, кто собирается сражаться, ведь им они спасут свою жизнь и добьются победы. Поэтому вождь, которому вручены славные знаки столь высокой власти, чьей верности и доблести вверены имущество землевладельцев, охрана городов, благо воинов, слава государства, должен заботиться не только обо всем войске, но даже о каждом отдельном солдате. Если с ним случится что-либо на войне, это—вина его, вождя, это—ущерб для государства. Итак, если он ведет войско, состоящее из новобранцев или из воинов, давно отвыкших от походов, пусть он старательно наблюдает за силами, настроением и привычками не только отдельных легионов или вспомогательных отрядов, но даже отдельных групп. Пусть он знает, насколько это возможно, поименно, какой его помощник (*comes*), какой трибун, кто из его свиты, какой, наконец, рядовой воин, какую роль он может играть на войне; пусть он завоюет себе высший авторитет, но и проявляет высшую строгость, пусть за все военные проступки он наказывает по закону, пусть никто из прегрешивших не думает, что получит прощение; пусть он предписывает делать всякие опыты в различных местах, при различных обстоятельствах. Устроив все как следует, когда враги, рассеявшись за добычей, будут бродить беспечно, пусть тогда он пошлет испытанных всадников или пехотинцев с новобранцами или уже отвыкшими от военной службы людьми, чтобы они при благоприятном случае разбили врагов: это и увеличивает их опытность, и другим придает смелость. Пусть он устроит засаду, так чтобы этого никто не знал, при переправах через реки, у обрывов крутых гор, в узких проходах лесов, у трудно проходимых дорог через болота, и пусть он так соразмерит время своего прибытия, чтобы, будучи сам готов к бою, застать неприятеля или обедающим, или спящим, или отдыхающим, беспечным и невооруженным, без обуви, с разнузданными конями, ничего не подозревающим; в подобного рода сражениях его воины приобретают уверенность в себе. Ведь те воины, которые долгое время или вообще никогда не видали, как наносится рана, как убивается человек, приходят в ужас, как только они это увидят, и смущенные страхом больше начинают помышлять о бегстве, чем о бое. Затем, если враги делают набег, пусть наш военачальник нападает на утомленных долгим путем, на находящихся в тылу или внезапно появится там, где его не ожидали; а также пусть он с отборным отрядом внезапно нападет на тех, которые далеко отстали от своих в поисках фуража или добычи. С таких попыток надо начинать; если они не удадутся, они приносят мало вреда; если же их исход хорош, они очень много помогают. Хороший вождь должен уметь сеять раздоры среди врагов. Ни один даже самый маленький народ не может быть уничтожен врагами, если он сам себя не истощит своими внутренними неурядицами. Ибо ненависть, вызываемая гражданской войной, стремится к уничтожению своих противников, но не принимает мер предосторожности в интересах своей защиты. В этом произведении я упорно стремлюсь внушить ту мысль, что никто не должен отчаиваться в возможности в настоящее время достигнуть того, что было раньше. Кто-нибудь может сказать: «Уже много лет никто не окружает ни ровом, ни насыпью лагерь, в котором собирается остановиться войско». На это последует ответ: «Если бы были приняты эти меры предосторожности, то ни ночные, ни дневные внезапные нападения врагов не причиняли бы нам вреда. Персы, подражая римлянам, окружают свой лагерь ровом, и так как земля там почти вся песчаная, то они возят с собою пустые мешки, наполняют их этой рассыпающейся, как пыль, землей, которую они выкапывают, и навалив их друг на друга, устраивают насыпь. Все варвары, поставив вокруг свои телеги, наподобие укрепленного лагеря, проводят ночи спокойно, не боясь внезапного напа-

дения. Что же? Или мы боимся, что не научимся тому, чему от нас научились другие? Раньше все это было известно, сохраняясь и в практической жизни и в книгах; но затем все это было отброшено, и никто этим не занимался, так как процветала мирная жизнь и далека была необходимость изучать военное дело. Но мы можем доказать на примерах, что является вполне возможным вновь восстановить те знания, практическое применение которых исчезло. У древних изучение военного дела часто приходило в забвение, но сначала оно вновь возрождалось из книг, а затем закреплялось авторитетом вождей. Сципион Африканский принял испанские войска, неоднократно развитые под начальством других вождей; введя строгие правила дисциплины, он заставил их копать рвы и производить всевозможные работы и так старательно провел их обучение, что не раз им говорил: копая рвы, должны быть вымазаны в грязи те, которые не хотели обогреть себя вражеской кровью. С этими войсками он, в конце концов, взял город Нуманцию и сжег всех его жителей, из которых никому не удалось спастись. Метелл в Африке, после командования Альбина, принял войско, которое было пропущено под ярмом; введя старинные установления, он так его исправил, что они же победили тех, которые их заставили пройти под ярмом. Кимвры уничтожили в Галлии легионы Цепиона и Маллия; когда Кай Марий принял остатки этих войск, он так обучил их военному искусству и приемам, что разбил с ними в открытом бою бесчисленное множество не только кимвров, но и тевтонов и амбронов. Но легче вызвать чувство храбрости у новонабранных воинов, чем вернуть его у тех, которые уже перепуганы.

11. После этих вступительных указаний о менее значительных правилах военного дела ход изложения военной науки зовет меня перейти к самому открытому сражению с его неизвестным исходом, к этому дню, роковому для наций и народов. Ведь в боевом результате сражения заключается вся полнота победы. Это время, когда вожди должны быть тем более внимательны, чем большая слава ожидает тогда старательных, чем большая опасность грозит нерадивым; это момент, когда всего ярче сказывается значение полученного опыта, боевая подготовка в науке военного дела; ясность плана и присутствие духа. В прежние века было принято выводить в бой воинов, умеренно накормив их, чтобы, приняв пищу, они были более смелыми и при затянувшемся сражении не чувствовали слабости от голода. Если приходится выводить войска из лагеря или из города на глазах у врагов, то надо обращать внимание на то, как бы в то время, когда наше войско выходит частями из узких ворот, враг, уже собравшийся и готовый, не разбил наши еще слабые части. Поэтому главным образом надо заботиться о том, чтобы все воины вышли из ворот и стали боевым строем прежде, чем приблизятся враги. Если враг подойдет в боевом порядке, когда наши находятся еще внутри стен, то пусть предводитель или отложит выступление или притворно скроется, с тем чтобы, когда враги начнут издеваться над ними, думая, что они не собираются выходить, или когда враги обратятся к грабежу добычи или начнут уходить назад, когда ряды их вследствие этого придут в беспорядок, — тогда пусть отборные из наших войск вырвутся из города и к ужасу врагов нападут на них, ничего подобного не ожидавших. Точно так же надо принять во внимание, что не должно заставлять воинов вступать в открытое сражение усталыми от длинного перехода или всадников уже выдохшимися от долгой скачки; ведь много сил потерял уже тот, кто собирается сражаться после трудного пути. Чего добьется тот, кто является в боевой строй измученным? Этого старались избегать и древние, и сами войска убедились в этом как в предшествующее, так и в наше время, когда римские вожди, мягко выражаясь, по неопытности не приняли этого во внимание. Не в равном

положении при столкновении оказывается утомленный и отдохнувший, покрытый потом и бодрый и свежий, тот, кто только что бежал, и тот, кто стоял на месте.

12. В тот день, когда воинам предстоит сражаться, старательно разведывай их настроение. Не очень доверяй, если новобранец жаждет боя; для тех, кто не испытал сражения, оно кажется заманчивым; знай, если испытанные бойцы боятся сражения, тебе лучше его отложить. Благодаря убеждениям и поощрениям вождя у войска растут храбрость и мужество, особенно если они понимают, что метод предстоящего сражения таков, что они могут надеяться легко добиться победы. Затем нужно указать на неспособность и ошибки врагов, и если они раньше были побеждены нами, напомнить об этом. Нужно рассказать о том, что вызовет ненависть к врагам и зажжет души наших воинов гневом и негодованием. Когда идут на бой с врагами, то вполне естественно в душах почти всех людей появляется страх. Без сомнения, еще более слабеют те, чьи мысли смущает непосредственный вид вражеского войска. Но для этого страха есть лекарство: прежде чем вступить в бой, часто выстраивай свое войско в безопасном месте, где они могут и видеть врага и привыкнуть к нему. Иногда при благоприятном случае пусть они решатся на отважное дело: пусть они погонят врага или произведут среди них избиение; пусть они хорошо узнают характер врагов, их оружие, их коней. Ведь то, что стало привычным, уже не вызывает страха.

13. Хороший вождь должен знать, что в большой степени победа зависит от того места, где произойдет бой. Поэтому старайся, чтобы, собираясь вступить в рукопашный бой, ты прежде всего получил помощь от благоприятного тебе места; считается, что оно будет тем лучше, чем выше оно лежит. На находящихся внизу копья падают сильнее, и с большей стремительностью сторона, стоящая выше, гонит тех, кто с трудом поднимается вверх против нее. Тот, кто идет вверх по склону, ведет двойной бой — и с местом и с врагом. Но тут есть следующее различие: если ты надеешься одержать победу своей пехотой над конницей врагов, ты должен выбирать места суровые, неровные, гористые; если же ты ищешь победы над неприятельской пехотой своей конницей, ты должен стараться найти, правда, тоже несколько возвышенное место, но ровное, широкое, без трудных и мешающих лесов и болот.

14. Тот, кому предстоит устанавливать боевой строй, должен раньше обратить внимание на три момента: на солнце, на пыль и на ветер. Солнце, светя в глаза, отнимает зрение, противный ветер отклоняет и задерживает твой копьей и стрелы и помогает вражеским, пыль, поднимающаяся по линии фронта, засыпает глаза и заставляет их закрываться. В тот момент, когда строится боевая линия, этого обычно стараются избегнуть даже опытные; но предусмотрительный вождь должен предусмотреть и будущее: как бы солнце, по мере того как день понемногу станет двигаться вперед, повернувшись, не причинило нам вреда, как бы во время боя в определенный час не поднялся противный ветер. Поэтому пусть будут ряды поставлены так, чтобы все это было у нас в тылу, и если возможно, все это засыпало и слепило лицо врага.

Боевым строем (acies) называется выстроенное для сражения войско, фронт которого обращен против врага. Если в открытом бою строй поставлен правильно, это приносит большую пользу, а если неумело, то и испытанные бойцы бывают сломлены вследствие плохого расположения. Закон построения таков: в первом ряду ставятся воины обученные и старые, которых прежде называли принципами; во втором ряду — одетые в брони стрелки и отборные воины с копьями и пиками; прежде они назывались «гастаты». Отдельные вооруженные воины по прямой линии

обычно стоят так, что их разделяет расстояние в 3 фута, т. е. на пространстве мили должны стоять в одну линию 1 666 пехотинцев; благодаря этому и в строю нет промежутков и места достаточно, чтобы пустить в ход оружие. Между передним и следующим задним рядом было установлено (древними) расстояние в 6 футов, для того чтобы сражающиеся имели возможность сделать выпад вперед и вновь отскочить назад; ведь при выпаде копья мечутся сильнее с разбегу. В этих двух первых рядах помещаются уже зрелые годами, испытанные и вооруженные более тяжелым оружием воины. Они стоят, наподобие стены, их не следует заставлять ни отступать, ни преследовать, чтобы не пришли в беспорядок их ряды; они должны принимать наступление врагов и, стоя на месте, сражаясь, отражать их или обращать в бегство. Третий ряд устраивается из легковооруженных, обладающих наибольшей быстротой, из молодых стрелков, из хороших копейщиков, которых прежде называли фарентариями. Кроме того устраивается еще четвертый ряд из легковооруженных, снабженных щитами, из стрелков последних наборов, из тех, которые стремительно бьются дротиками и маттибарбулами, которые называются свинцовыми (шарами); все они носят название легковооруженных. Итак, нужно знать, что, в то время как первые два ряда стоят неподвижно, третий и четвертый всегда должны выходить со своими дротиками и стрелами вперед, для того чтобы вызывать врага на бой. Если они смогли обратить врага в бегство, они сами преследуют его вместе со всадниками; если же они будут отбиты врагами, они возвращаются к первой и второй линии и между ними спасаются на свои места. И вот, когда дело доходит, как говорится, до мечей (спаф) и до копий, первый и второй строй принимают на себя всю тяжесть войны. В пятом ряду иногда помещались карробаллисты—те, кто имеет ручные баллисты (манубаллистарии), те, кто бросает камни при помощи пращных палок (фундибулаторы), и пращники. Фундибулаторы—это те, кто бросает камни при помощи пращных палок (фустибалов). Фустибал—это длинная палка, в четыре шага длиной, посередине которой привязывается праща из толстой кожи. Размах делается двумя руками, и эта машина направляет камни, наподобие онагра. Пращники те, которые бросают камни при помощи пращи, сделанной из льна (пеньки) или конского волоса—последние считаются самыми хорошими,—вращая ее для размаха одной рукой над головой. Те, у кого нет щитов, сражаются в этом ряду, или бросая камни рукой, или пуская легкие копья. Их называли «акцензи», как более молодых и прибавленных впоследствии. Шестой ряд позади всех занимают самые сильные бойцы, со щитами, вооруженные всякого рода оружием. Древние называли их триариями. Они обычно сидели за последними рядами, чтобы, отдохнув и с совершенно свежими силами, тем стремительнее могли напасть на врагов. Если случится что-либо с первыми рядами, то вся надежда на восстановление порядка покоится на силах этих триариев.

15. Подробно объяснив, как должен быть поставлен боевой строй, теперь я изложу величину и дистанции этого самого расположения. Одна миля поля включает в себя боевой строй в 1 666 пехотинцев, потому что каждый боец отстоит от другого на расстоянии 3 футов. Если ты захочешь на одной миле поля поставить все 6 рядов, то тебе будет нужно 9 996 пехотинцев. Если же ты это число захочешь поставить тремя рядами, то займешь пространство в две мили. Но лучше устраивать больше рядов, чем растягивать боевой фронт. Я уже говорил, что позади каждого ряда между ними должен быть промежуток в 6 футов в ширину, и сами бойцы стоя занимают еще фут. Таким образом, если ты выстроишь 6 рядов, то у тебя будет войско, которое занимает 42 фута в глубину и милю в длину и будет состоять из 10 000 воинов. При таком расчете, будет ли у тебя 20 000

или 30 000 пехоты, сохраняя такие дистанции, безо всякого труда могут быть выстроены ряды, и вождь не ошибется, зная, сколько вооруженных воинов может вместить то или иное пространство. Советуют, если место узко или количество воинов больше чем нужно, ставить боевой строй в 10 и более рядов. Полезнее, чтобы они сражались сомкнутым строем, чем растянувшись на более длинное расстояние; ведь если боевой строй будет чересчур тонок, то враги, сделав нападение, быстро его прорвут, и уж потом это не поддается никакому исправлению. Какое число воинов должно стоять на правом крыле, или на левом, или в центре—это устанавливается в зависимости от их достоинства, как принято, или в зависимости от качества войск врага.

16. Когда поставлен строй пехоты, на флангах помещается конница, при этом так, что все одетые в панцири и вооруженные пиками стоят рядом с пехотой, стрелки же или те, кто не имеет панцирей, пусть строятся на более далеком расстоянии. Более сильными отрядами конницы должны прикрываться фланги пехоты, а более быстрые и легковооруженные всадники должны рассыпаться по неприятельским флангам и приводить их в беспорядок. Вождь должен знать, против каких «друнгов», т. е. отрядов неприятелей, каких всадников он должен поставить. Ибо я не знаю; по какой тайной причине, можно сказать, почти по божьему соизволению, один вид войска сражается лучше против определенного вида вражеского войска и те, которые победили более сильных, бывают побеждены более слабыми. Если количество всадников будет неодинаково с неприятельским, то, по обычаю древних, к всадникам должны быть примешаны очень быстрые пехотинцы с легкими щитами, прошедшие для этого специальную выучку; их называли велитами. Как бы сильны ни были всадники врагов, однако устоять против такого смешанного отряда они не могут. [Все древние вожди видели в этом единственное средство спасения, именно приучить к такого рода сражению юношей хорошо бегущих и между каждыми двумя конями поставить одного пехотинца с более легким щитом, мечом и дротиком.]

17. Есть великолепный прием, который сильно способствует победе, именно: позади рядов, или около флангов, или в центре вождь создает отряды из отборных пехотинцев и всадников, присоединив к ним викариев (заместителей), комитов и свободных от командования трибунов; как только враг начнет наступать очень сильно, они во избежание прорыва фронта внезапно вылетают и заполняют нужные места; придав этим мужество своим, они уничтожают смелость врагов. Этот прием впервые применили лаконяне, им подражали карфагеняне, а впоследствии, конечно, придерживались его и римляне. Лучше такого расположения не найти другого. Ведь прямой строй имеет единственную цель и возможность—оттеснить врага и его разбить. Если нужно двинуть клин или устроить ножницы, ты должен иметь позади строя дополнительный отряд, из которого ты можешь организовать клин или ножницы; если нужно провести «пилу», ты тоже берешь ее из резервных отрядов. Потому что, если ты начнешь воина, стоящего в рядах, переводить с его места, то весь строй придет в замешательство. Если отдельный неприятельский отряд теснит твое крыло или какую-либо другую часть твоего войска и если у тебя нет запасных сил, которые ты можешь противопоставить этому отряду, и приходится взять с фронта пехоту или всадников, то в то время как ты одно хочешь защитить, ты оголишь другое. Если у тебя нет избытка в воинах, лучше иметь боевой строй короче, лишь бы только в резерве у тебя было много людей. Так, против центра развернувшейся битвы ты должен иметь из числа очень хорошо вооруженных и отборных пехотинцев отряд, из которого ты мог бы сделать клин и тотчас сокрушить боевой строй врага.

Затем, на флангах из одетых в панцири и вооруженных пиками всадников, предназначенных специально для этой цели, и из легковооруженных пехотинцев ты должен составить отряды, которые бы окружили фланги врагов.

18. Вождь, в руках которого сосредоточено главное командование, обычно находится на правом фланге между пехотинцами и всадниками. Это то место, с которого можно руководить всем войском, откуда всюду прямой и свободный доступ ко всем пунктам. Он находится между обоими видами войск с той целью, чтобы, и командуя и действуя своим авторитетом, он мог бы возбуждать к битве как пехотинцев, так и всадников. Отсюда он должен делать попытки при помощи запасных всадников, поддержанных легковооруженной пехотой, обойти левый фланг неприятеля, против которого он стоит, и, зайдя в тыл, начать его теснить. Второй вождь стоит в центре боевого строя пехоты: он ею руководит и ее крепит. Он должен иметь в своем распоряжении сильных и хорошо вооруженных пехотинцев из числа тех запасных, чтобы из них в случае необходимости он мог построить клин и прорывать строй врагов, или, если враги сами устроили клин, он должен устроить «ножницы», чтобы ими он мог встретить вражеский клин. На левом фланге войска должен стоять третий вождь, достаточно мужественный и прозорливый, так как левый фланг—очень ответственный пункт и является во всем строе наиболее уязвимым. Он должен иметь около себя хороших всадников из числа запасных и самых быстрых пехотинцев, при помощи которых он должен растянуть свой левый фланг и не дать врагам окружить его. Крик, который называется «баррит»¹, не должен подниматься раньше, чем сойдутся оба строя. Признак неопытных и трусов начинать кричать издали, тогда как враги более поражаются страхом, если этот ужас военного крика сочетается с ударами копий. Ты всегда должен заботиться, чтобы у тебя у первого был готов боевой строй, потому что тогда ты по собственному выбору можешь делать, что тебе угодно и полезно, так как никто тебе в этом не мешает; а затем, этим ты увеличишь уверенность у своих и отнимешь ее у противника, потому что более сильным кажется тот, кто не колеблется вызвать других на бой. Враги начинают трепетать, когда видят против себя хорошо устроенный строй. К этому присоединяется еще та огромная выгода, что ты с войском, уже выстроенным и готовым к бою, захватил неприятеля, только что еще строящего ряды и трепещущего. Это уже часть победы—привести в замешательство врага, прежде чем начнется бой; не говоря уже о внезапных нападениях или неожиданных налетах при благоприятных условиях, которых опытный вождь никогда не упустит, сражение всегда бывает удачным против уставших от перехода, разделившихся при переходе через реки, когда враг не может выбраться из болот или попал в тяжелое положение на хребтах гор, когда он беспечно рассеялся по полям или спит по своим стоянкам: занятый другими делами враг погибает раньше, чем может приготовиться. Если же противники осторожны и нет возможности устроить засаду, тогда приходится сражаться против стоящего начеку, знающего и внимательного противника в равных условиях.

19. Однако военное искусство и в этом открытом столкновении помогает не меньше, чем в тайных хитростях. Особенно нужно остерегаться, чтобы с левого фланга твоего войска, что бывает очень часто, или с правого, что, пожалуй, случается редко, твои воины не были окружены многочисленной толпой воинов или теми нестройными отрядами, которые называются «друнги». Если это случится, есть одно только средство: завернуть и закруглить свой фланг, с тем чтобы твои воины повернувшись прикры-

¹ Собств.: «рев слона».

вали тыл своих товарищей. В углу самого края нужно поставить наиболее сильных воинов, так как там натиск бывает наиболее сильным. Равным образом и против неприятельского клина есть определенный способ сопротивления. Клином называются отряды пехоты, соединенной с боевым строем, в котором первые ряды короткие, а дальнейшие становятся все шире; он прорывает строй врагов, потому что конья многих направлены в одно место. Этот строй воины называют «свиное рыло». Против такого клина пускается в дело строй, который носит название «ножницы». Из отборных воинов устраивается строй в виде буквы V; он принимает в середине к себе клин и захватывает его с двух сторон, после чего клин уже не может прорвать боевую линию. Равным образом и «пила», состоящая из самых смелых воинов, в виде прямой линии выстраивается перед фронтом, против врагов, чтобы приведенный в беспорядок строй мог вновь выправиться. «Клубком» (глобус) называют строй, который, будучи отделен от своих, внезапными нападениями то там, то здесь пытается ворваться в середину врагов; против него обычно посылается другой, более сильный и многочисленный клубок. Нужно всегда остерегаться менять ряды или переводить отряды с одного места в другое в то время, когда уже идет битва. Ведь тогда сейчас же происходят замешательство и смятение, а на неготовых и расстроенных враг с тем большей легкостью производит нападение.

20. Есть 7 родов или видов решительных сражений, когда знамена той и другой стороны столкнулись в открытом бою. Первый вид это— построение войска в виде квадрата с длинным фронтом: так обычно, и теперь и прежде, всегда происходили сражения. Но специалисты военного дела такой строй не считают самым лучшим, так как на длинном пространстве, на котором тянется фронт, поверхность поля не везде одинаково ровная, и если получится в центре какой-либо промежуток, или изгиб, или закругление, то в этом месте чаще всего происходит прорыв. Кроме того, если противник превосходит численностью, то он обходит с флангов правое или левое крыло. И в этом таится большая опасность, если у тебя нет резервных войск, которые могли бы броситься вперед и задержать врага. Таким строем должен сражаться только тот, кто имеет бойцов и более многочисленных и более сильных; пусть он тогда обойдет врага с обоих флангов и запрет его, как в объятиях, на лоне своего войска. Второй строй—косой—во многих отношениях лучший. При нем, если ты поставишь в удобном месте немногих энергичных воинов, даже если бы ты пришел в смущение от множества врагов и их доблести, все же ты можешь одержать победу. Построение это таково. Когда выстроенные войска придут в столкновение, тогда ты свое левое крыло отделишь на далекое пространство от правого крыла врагов, так чтобы ни копья, ни стрелы не могли долетать до него; правое же свое крыло ты приведешь в соприкосновение с его левым крылом, и там прежде всего и начинай битву. С лучшими из твоих всадников и с самыми испытанными из пехотинцев напади на его левую сторону, с которой ты соприкоснулся, обойди ее и, тесня и обегая ее, зайди в тыл врагов. Как только здесь ты стал гнать врагов, с подходом твоих вспомогательных войск ты добьешься несомненной победы, а часть твоего войска, которую ты поставил вдалеке от врагов, будет продолжать стоять спокойно. Строй в этого рода битве получает форму, похожую на букву А или на отвес (*libella fabriis*). Если враг предупредит тебя в этом, то тех, о которых я говорил, что их нужно держать в резерве позади строя, как всадников, так и пехотинцев, собери на своем левом фланге, и таким образом ты, имея большие силы, можешь отразить врага и не позволишь тактике врага потеснить себя. Третий вид похож на второй, но хуже тем, что ты начинаешь своим левым флангом сражение с правым

флангом врага. Дело в том, что нападение левым крылом является явно недостаточным и явно с трудом нападают те, кто сражается на левом фланге. Я хочу это объяснить подробнее. Если у тебя левое крыло будет особенно сильно, тогда присоедини к нему самых смелых всадников и пехоту и при столкновении двинь его первым на правое крыло врага и, насколько можешь, поторопись потеснить и обойти его. Остальную же часть твоего войска, в которой, как ты знаешь, находятся худшие бойцы, поставь возможно дальше от левого крыла врага, чтобы на нее не могли напасть с обнаженными мечами, да и копыта чтобы до нее не долетали. При такого рода сражении всегда надо опасаться, как бы твоей косою строй не был пробит неприятельским клином. Только в одном случае будет полезен для тебя такой метод сражения, а именно, если враг имеет очень слабое правое крыло и твое левое много сильнее его. Четвертый прием таков. Когда ты выступишь свое войско правильными рядами, то не доходя шагов 400 или 500 до врагов, внезапно, неожиданно для него тебе следует быстро бросить на него оба твои крыла; при этом ты можешь на обоих флангах обратить в бегство не ожидавших этого врагов и быстро добиться победы. При этом методе сражения, правда, можно быстро преодолеть врага, если ты ведешь за собой очень обученных и сильных воинов, однако есть большая опасность; ведь тот, кто ведет бой таким способом, принужден обнажить свой центр и разделить свое войско на две части. И если враг не будет побежден при первом натиске, то ему представится удобный случай напасть и на отдельные фланги и на оставленный без прикрытия центр.

Пятый способ сражения похож на четвертый, но имеет то преимущество, что перед первой линией фронта ставятся легковооруженные и стрелки, чтобы благодаря их сопротивлению она не могла быть прорвана. Таким образом своим правым крылом ты нападаешь на левое крыло врага, а левым — на его правое. Если при этом удастся обратить врагов в бегство, то победа тотчас же обеспечена; если это не удалось, то центр не попадает в тяжелое положение, так как защищается легковооруженными и стрелками. Шестой вид боя превосходен, будучи почти подобен второму; им пользуются те, которые не очень полагаются ни на численность, ни на доблесть своих войск. И если все организовано как следует, то, несмотря на меньшую численность, всегда добивались победы. Когда развернувшийся боевой строй подходит к врагам, свое правое крыло брось на левое крыло врагов и там с самыми испытанными всадниками и самыми быстрыми пехотинцами начинай бой. Остальную же часть своего войска удали возможно дальше от линии противника и вытяни его в прямую линию, как вертел. Когда ты начнешь рубить левую сторону врага и с боков и с тыла, ты, без сомнения, обратишь его в бегство. В то же время враги не смогут послать помощь своим, находящимся в тяжелом положении, ни с правой стороны, ни из центра, так как твое войско стоит развернутым строем, вытянувшись наподобие буквы I, и в то же время отстоит довольно далеко от врагов. Таким способом очень часто сражаются во время пути. Седьмой способ тот, когда характер местности покровительствует вступившему в сражение. Также и в этом случае с менее многочисленным и менее сильным войском ты можешь выдержать нападение врага. Для этого нужно, чтобы с одной стороны ты имел, например, гору, море, реку, озеро, город (окруженный стенами), болота или крутой склон и чтобы с этой стороны враг не мог подойти к тебе. Остальное войско ты выступишь прямой линией, но на той стороне, которая не опирается на природное укрепление, ты поставишь всех всадников и ферентариев. Тогда, вполне спокойный, ты вступаешь как тебе угодно в бой с врагом, так как с одной стороны тебя укрепляет природа места, с другой — стоит почти двойное количество конницы. Однако всегда надо помнить одно — и это является лучшим прави-

лом—если ты хочешь сражаться одним правым крылом, то поставь там наиболее сильных, если левым,—то там расположи наиболее энергичных; если захочешь в центре устроить клин, чтобы им прорвать вражеский строй, то помести в клине самые обученные части войска. Победа обычно достигается немногими. Поэтому-то и имеет такое значение, чтобы отборные воины мудрым вождем ставились в тех местах, где этого требуют расчет и польза.

21. Многие неопытные в военном деле думают, что победа над врагом полнее, если они запрут врага или в узком месте или множеством своих вооруженных, так что ему не будет никакой возможности уйти. Но у запертого врага вследствие отчаяния растет смелость, и когда нет уже надежды, то страх берется за оружие. Охотнее умирает вместе с другим тот, кто наверное знает, что ему предстоит умереть. И поэтому заслуживает всякой хвалы мысль Сципиона, который сказал, что для врагов надо поправить дорогу, по которой они хотят бежать. Когда путь к отступлению открыт, все единодушно обращают тыл, и тогда врагов безбоязненно можно избивать, как стадо скота. И для преследующих нет никакой опасности, когда побежденные убегают повернувшись от врагов свое оружие, которым они могли бы защищаться. В этом случае чем больше будет численность врагов, тем легче будет уничтожить большую их часть. И нечего спрашивать о численности там, где раз испуганная душа не столько хочет уклониться от оружия врагов, сколько от их вида. [Между тем, запертые, если они даже малочисленны и слабы, они одним тем уже равны врагам, что, придя в отчаяние, знают, что ничего другого им уже не остается (кроме смелости).]

22. Изложив все, что военная мысль сохранила в наблюдениях и выводах своего искусства, мне остается теперь указать одно: как надо отступать перед врагом. Люди, сведущие в военном деле и прошедшие его на своем опыте, свидетельствуют, что никогда не грозит нам большая опасность. Тот, кто до столкновения велит отступать своему боевому строю, тот уменьшает уверенность у своих и придает смелости врагам. Но так как это в действительности происходит довольно часто, то необходимо объяснить, каким образом это можно сделать наиболее безопасно. Прежде всего пусть твои воины не знают, что ты отступаешь потому, что хочешь уклониться от сражения, но пусть они думают, что их отзывают вследствие известной военной хитрости, чтобы заманить врага на более удобное для нас место и тем легче его победить, или что, вероятно, преследующим нас врагам устроена какая-либо засада. Ведь те, кто видит своего вождя потерявшим надежду на успех, уже готовы к бегству. Также надо всячески избегать того, чтобы враги заметили твое отступление и тотчас же бросились на тебя. Поэтому многие помещали всадников перед рядами своей пехоты, чтобы они рассыпавшись не позволяли врагам видеть, как отступали пехотинцы. Поэтому они вводили и отзывали назад своих воинов частями, начиная с первых рядов, оставляя остальных на своих местах, затем и этих тоже понемногу отзывали назад и соединяли с теми, которых увели сначала. Иные, обследовав тщательно пути, уходили со своими войсками ночью, чтобы на рассвете, когда враги это заметят, уже нельзя было захватить ушедших далеко вперед. Кроме того, бывало, послав вперед к находящимся поблизости высотам легковооруженную часть войск, внезапно отдавался приказ всему войску идти туда, и если бы враги захотели преследовать, то они подвергались угрозе поражения со стороны тех легковооруженных, которые раньше заняли эти места, и той конницы, которая присоединялась к ним. Считается, что нет ничего опаснее, чем если против неразумно преследующих выступят те, которые были оставлены в засаде или которые раньше к этому

приготовились. А это как раз особенно удобный момент для засады, так как по отношению к отступающим проявляется больше смелости, но и меньше предусмотрительности. А большая беззаботность неизбежно влечет за собой и более тяжелые последствия. Обычно внезапное нападение производится на неготовых еще к бою, принимающих пищу, утомленных от перехода, пустивших своих лошадей пастись и не ожидающих ничего подобного. Этого и нам самим нужно опасаться и, в свою очередь, при подобного рода благоприятном случае стараться истребить возможно больше врагов. Тем, кто попал в такое положение, не может помочь ни доблесть, ни многочисленность. Кто побежден в строю в открытом сражении, тот, несмотря на то, что и там знание военного дела оказывает большую помощь, все же в свою защиту может обвинять судьбу; тот же, кто сделался жертвой внезапного нападения или засады, не может оправдать себя и снять с себя вину за это, так как он мог избежать такой неудачи и при помощи подходящих разведчиков наперед уже все это узнать. Когда происходит отступление, применяется такого рода хитрость: обыкновенно немногим всадникам поручается преследовать прямым путем, сильный отряд посылается тайно в обход по другим местам. Когда всадники достигнут неприятельского войска, они делают незначительную попытку нападения и уходят. Враг думает, что если и была какая-либо засада, то он ее миновал, и уже оставив всякую заботу, предается небрежной беспечности. Тогда тот отряд, который был направлен сюда тайным путем, появляется внезапно и разбивает ничего не понимающих врагов. Многие, уходя от врагов, если им предстоит проходить через леса, посылают вперед людей занять узкие и крутые места, чтобы им там не попасть в засаду; кроме того они при помощи срубленных деревьев загораживают дорогу позади себя—это они называют «засеками»,—чтобы отнять у противников возможность преследования. Можно сказать, что и для той и для другой стороны во время пути представляются обоюдно благоприятные случаи для засад. То войско, которое идет впереди в удобных долинах или покрытых лесами горах, оставляет после себя засады, и если враг наталкивается на них, то все войско возвращается и помогает своим; если войско преследует, то оно боковыми тропинками далеко вперед посылает легковооруженные отряды и не пропускает дальше идущее впереди неприятельское войско и, обманув его, запирает ему проход и спереди и в тылу. Если ночью неприятель спит, то и войско, которое шло впереди, может вернуться, а равно и преследующее в свою очередь, каково бы ни было между ними расстояние, может, внезапно догнав, обмануть и обойти его. При переправе через реки тот, кто идет впереди, всегда пытается уничтожить ту часть войска противника, которая перейдет первой, пока остальные отделены руслом реки; а те, которые следуют, ускорив свой путь, стараются внести замешательство в те части противника, которые еще не перешли реку.

23. Некоторые народы, как утверждают древние писатели, выводили в боевой строй верблюдов; так например, урциллиане, живущие внутри Африки... или остальные мазики практикуют это и до сих пор. Говорят, что животные этого рода, подходящие для песков и тех местностей, где приходится терпеть жажду, безошибочно находят дорогу, занесенную песком во время ветра. Но если не считать необычности их вида для тех, кому не случилось с ними встречаться, для войны они не имеют большого значения. Катафракты (панцирные всадники) вследствие тяжелого вооружения, которое они носят, защищены от ран, но вследствие громоздкости и веса оружия легко попадают в плен: их ловят арканами; против рассеявшихся пехотинцев в сражении они пригоднее, чем против всадников. Однако поставленные впереди легионов или смешанные с легио-

нарной конницей, когда начинается рукопашный бой грудь с грудью, они часто прорывают ряды врагов. 24. Цари Антиох и Митридат пользовались в своих военных походах колесницами с косами, запряженными четверками коней. Вначале они вызывали большой страх, но потом стали предметом насмешек. Трудно для такой колесницы с косами найти совершенно ровное поле, малейшим препятствием она задерживается, а если поражена или ранена хоть одна лошадь, колесница уже выходит из строя. Но эти колесницы потеряли всякое значение главным образом благодаря следующему приему римлян: когда начинался бой, римляне быстро разбрасывали по полю капканы (трибулы); когда на них попадали катящиеся колесницы, они гибли. Капкан—это защитительное орудие, сколоченное из четырех заостренных кольев; как его ни бросить, оно крепко становится на трех кольях, а четвертым, поднятым кверху, наносит вред. Слоны, применявшиеся в сражении, величиною своего тела, ужасом своего рева, необычностью своего внешнего вида вначале приводили в смятение и людей и лошадей. Против римского войска впервые их вывел царь Пирр в Лукании, затем в большом количестве их имели Ганнибал в Африке, царь Антиох на Востоке, Югурта в Нумидии. Было придумано много способов сопротивления им. В Лукании центурион мечом отрубил у одного слона руку, которую называют хоботом; кроме того запрягались в колесницу два покрытых броней коня; сидящие здесь клибанарии (одетые в кирасу воины) направляли на слонов сариссы, т. е. очень длинные копыя. Так как они были защищены железным оружием, то им не причиняли вреда стрелки, ехавшие на чудовище, благодаря скорости коней они ускользали от нападения (озверевшего слона). Другие выслали против слонов одетых в брони воинов, притом так, что у них на руках, шлемах и на плечах были приделаны огромные железные острия, чтобы слон не мог схватить своим хоботом бойца, идущего против него. Но главным образом древние организовали против слонов нападения велитов. Велиты были легковооруженные юноши с очень подвижным телом, которые, сидя верхом, искусно бросали дротики. Они, проезжая мимо слонов на своих конях, при помощи более крепких дротиков с широкими наконечниками убивали этих зверей, а впоследствии, по мере того как возрастала смелость, собиралось много воинов, и они направляли на слона, как на обыкновенного врага, свои *pila*, т. е. метательные копыя, и изводили его ранами. Кроме того пращники с фустибулами и пращами при помощи специальных круглых камней поражали индийцев, управлявших слонами, разрушали башни, в которых они сидели, и убивали их; и не было другого более верного средства для борьбы со слонами. Кроме того, когда эти огромные животные двигались, как бы с тем чтобы прорвать строй, то воины расступались и давали им место. Когда они оказывались в середине строя, то окруженные отовсюду толпами вооруженных они вместе со своими вожаками без малейшей раны [целые и невредимые] забирались в плен. Иногда следует позади строя помещать карробаллисты (баллисты на повозках) большего чем обычно размера—они дальше кидают копыя и с большей силой; их ставят на повозки, запряженные парой коней или мулов, и когда чудовища приблизятся на полет копыя, их пронзают этими копыями из баллист. Однако против слонов надо приделывать железные наконечники более широкие и более крепкие, чтобы их огромным телам наносить и большие раны. Я привел много примеров разных приспособлений для борьбы против слонов с тою целью, чтобы, если представится необходимость, мы знали, что нужно противопоставить столь огромным чудовищам.

25. Должно помнить, что если часть войска победила, а часть обратилась в бегство, то не надо терять надежды, так как в таком трудном положении твердость вождя может дать ему полную победу. Это случалось не раз

в бесконечном ряде войн; и победителями оказывались те, кто наименее терял присутствие духа. При подобном положении считается более сильным тот, кого не может сломить неудача. Пусть он первый начнет снимать с убитых врагов оружие, как они говорят, «подбирать поле», пусть он первый кликами и звуками рожков празднует победу. Этой уверенностью он так напугает врагов, настолько удвоит уверенность у своих, что он вскоре уйдет с поля битвы победителем во всех отношениях. Но если по какому-либо несчастному случаю в бою будет разбито все войско,—это уже опасное поражение; однако многим выпадала удача поправить все дело; нужно уметь найти для этого верное средство. Действительно предусмотрительный, прозорливый вождь, вступая в открытое сражение, всегда должен предусмотреть на случай несчастья,—а это возможно при изменчивости военного счастья и человеческой судьбы,—как бы ему без больших потерь спасти побежденных. Если по соседству будут холмы, если в тылу имеется укрепление, если при отступлении прочих горсть храбрых воинов продолжает сопротивляться, они могут спасти и себя и своих. Часто уже разбитое войско, восстановив свои силы, уничтожило рассеявшихся и в беспорядке преследующих (врагов). У тех, кто уже празднует победу, никогда не бывает обычно более сильного перелома настроения, чем тогда, когда внезапно самоуверенную смелость сменяет страх. Но в конце концов, каков бы ни был исход сражения, полководец должен собрать остатки своего войска, должен вдохнуть в них решимость продолжать войну, обратившись к ним с соответствующим ободрением и восстановив их вооружение. Тогда можно делать новый набор, искать новых вспомогательных сил, и, что особенно служит на пользу в этот момент, подстергши благоприятный случай, он должен на самих победителей сделать неожиданное нападение при помощи тайных засад и этим восстановить смелость у своих. Недостатка в таких благоприятных моментах не будет, так как вместе со счастьем и удачей человеческий ум становится всегда чересчур самонадеянным и неосторожным. Если кто этот (несчастный) случай считает концом всего, пусть подумает, что вначале исход всех сражений был скорее несчастлив для тех, кому впоследствии доставалась победа.

[26. Общие правила военных действий.

Во всех сражениях и походах главное правило таково: то, что тебе полезно, должно быть вредным для врага, то, что помогает ему, тебе всегда идет во вред. Поэтому мы не должны делать или не делать ничего, что соответствует его воле, но только то, что мы сочтем полезным для себя. Ведь ты начнешь действовать против себя, если будешь подражать тому, что он делал в своих интересах, и наоборот: то, что ты попытался сделать для себя, обратится против него, если бы он пожелал подражать.

Кто на войне больше наблюдает за ночными дозорами и пикетами, больше трудится над упражнением своих воинов, тот менее подвергается опасностям.

Никогда не должно ставить в боевой строй воина, которого ты раньше не испытал.

Лучше победить и укротить врага недостатком продовольствия, внезапными нападениями или страхом, чем сражением, в котором обыкновенно больше имеет значения счастье, чем доблесть.

Нет лучше плана, чем тот, которого не знает враг, пока ты его не выполнил.

Благоприятный случай на войне обычно больше оказывает помощи, чем доблесть.

Если ты побудил вражеских воинов перейти к себе или они сами переходят, если они это делают искренно, в этом много уверенности для нас

в успехе, так как врагу наносят больший удар перебежчики, чем убитые.

Лучше в тылу боевого строя сохранять много отрядов в резерве, чем широко растянуть боевой строй.

С трудом может быть побежден тот, кто умеет правильно судить о войсках своих и своего противника.

Больше пользы от доблести, чем от численности.

Часто больше пользы приносит местность, чем храбрость.

Немногих людей природа рождает храбрыми: практика и опыт своими хорошими наставлениями делают такими гораздо большее число людей.

Благодаря труду войско процветает, от безделья стареет и слабеет.

Никогда не выводи войска в открытое сражение, если не видишь, что оно надеется на победу.

Внезапное пугает врага, обычное немногочисленного стоит.

Кто неосмотрительно преследует, расстроив свои ряды, тот хочет отдать противнику победу, которую сам получил.

Кто заранее не приготовил продовольствия и всего необходимого, тот побеждается без оружия.

Кто превосходит врага численностью и храбростью, сражается квадратным строем; это—первый способ.

Кто считает себя неравным врагу, пусть правым своим крылом гонит левый фланг неприятеля; это—второй способ.

Кто уверен, что его левое крыло очень сильно, пусть нападает на правый фланг неприятеля; это—третий способ.

У кого хорошо обученные воины, тот должен начинать бой на обоих крыльях: это—четвертый способ.

У кого хорошее легковооруженное войско, пусть он нападает на оба неприятельских крыла, поставив перед боевым строем метателей дротиков и стрел; это—пятый способ.

Кто не полагается ни на численность войск, ни на их доблесть, если ему придется вступить в бой, пусть он ударит правым своим крылом на левое неприятельское, а остальные свои войска вытянет, наподобие вертела; это—шестой способ.

Кто знает, что он имеет войска или более малочисленные или более слабые, пусть—это седьмой способ—с фланга имеет себе для поддержки или гору, или город, или море, или реку, или что-либо иное.

Кто более уверен в своей коннице, пусть он ищет места, более подходящие для конницы, и ведет бой больше при помощи конницы.

Кто полагается на свои пешие войска, пусть выбирает местность для пешего войска и ведет бой пешими войсками.

Когда вражеский шпион тайно ходит по лагерю, все получают приказ днем войти в свои палатки, и шпион тотчас же обнаруживается.

Когда ты узнаешь, что твой план предательски сообщен противникам, тебе, конечно, следует переменить свое намерение.

Что н у ж н о сделать, обсуждай со многими; но что ты с о б и р а е ш ь с я сделать—с очень немногими и самыми верными, а лучше всего—сам с собой.

Солдат исправляют на местах стоянок страх и наказание; а в походах их делают лучшими надежды и награды.

Хорошие вожди вступают в открытый бой только при благоприятных обстоятельствах или при крайней необходимости.

Великим является намерение потеснить врага скорее голодом, чем оружием.

Каким способом ты намерен сражаться, пусть враги не знают, чтобы они не замыслили найти против этого какие-либо средства.]

Что касается конницы, то и относительно нее есть много указаний; но так как эта часть войска и по практике упражнений, и по роду оружия, и по высокому качеству лошадей много превосходит прежнюю, то я думаю, что мне нечего делать выборки из моих книг, так как и современные наставления по этому поводу вполне достаточны.

Изложены мною, о непобедимый император, все основные принципы, оправдавшие себя на практике в различные времена, достоверные примеры увековечены знаменитейшими писателями (древности) в их книгах, чтобы к твоей опытности в метании стрел, которой в твоей светлости дивятся персы, к ловкости и красоте твоей верховой езды, которой хотели бы подражать, если бы могли, племена гуннов и аланов, к быстроте бега, с которой не могут сравняться сарацин и индеец, к искусству тактики, которым гордятся наши экзерцирмейстеры, если хоть отчасти им обладают, — чтобы ко всему этому ты присоединил и знание правил, как вести бой, т. е. скорее, как побеждать, поскольку в равной мере по доблести души и настроению ума ты являешь перед государством высокий пример долга как императора, так и воина.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Первое, что положило грань между жизнью людей еще грубых и некультурных в первобытные времена и их общением с бессловесными и дикими животными, было создание городов. В них понятие общей пользы нашло себе выражение в слове «государство» (республика = общественное дело). Поэтому самые могущественные народы и их священные правители видели свою высшую славу в том, чтобы основывать новые города или основанные другими так или иначе расширять и возвеличивать, давая им свое имя. В этом деле твоей светлости, всемилостивейший государь, принадлежит пальма первенства. Препжними правителями были выстроены или немногие города, или даже только по одному, твоим же благочестием были созданы в непрерывном труде столь несчетные, что, кажется, они воздвигнуты не столько человеческою рукою, сколько божьим мановением. Ты превосходишь всех императоров счастьем, умеренностью, чистотою жизни, примерами кротости, любовью к наукам. Блага твоего правления и твоего характера мы видим; мы имеем то, о чем мечтало прежнее поколение, чего желает, чтобы оно продлилось навек, будущее. Мы можем поэтому поздравить весь мир с тем, что он обладает таким счастьем, какое только ум человеческий мог желать или милость божья могла дать. Сколь совершенно стало трудное искусство возведения стен, свидетелем тому по вашей милости является Рим, который некогда дал спасение гражданам защитой Капитолийской крепости, чтобы потом с тем большей честью и славой властвовать над всем миром. Для того чтобы вполне закончить тот труд, который я предпринял по предписанию вашего величества, я теперь приведу в определенном порядке указания, которые я собрал из разных авторов о том, каким образом наши города должно было защищать или вражеские разрушать. И я тем менее буду раскаиваться в своем труде, если этим мне удастся всем принести пользу.

1. Города и крепости обладают укреплениями или природными, или созданными человеческою рукою, или теми и другими, — что делает их особенно сильными. Можно считать, что город укреплен природой, если он стоит на возвышенном месте, на обрыве, или окружен морем, болотами или реками; искусственные укрепления состоят из рвов и стен. В первом случае при благоприятных природных условиях для безопасности требуется только разумный выбор места, на ровном же месте нужно искус-

ство строителя. Мы видим древнейшие города, устроенные на открытых полях так, что, несмотря на неблагоприятное их местоположение, они, однако, оказались непобедимыми благодаря старанию и искусству их творцов.

2. Древние считали за правило, чтобы вся линия наружных стен не была прямой; ведь в этом случае они могли бы сильно пострадать от ударов таранов; закладывая фундаменты, древние защищали города выгибами и выступами и на самых углах они воздвигали очень частые башни с той целью, чтобы, если кто захочет пододвинуть лестницы или машины к стене, выстроенной таким способом, их можно было поражать не только по фронту, но и с боков и почти в тыл, захваченных как бы в мешок.

3. Чтобы такая стена никогда не могла быть разрушенной, она строится следующим образом. Сделав промежутки футов в 20, выстраиваются внутри города две стены; затем земля, которая вынимается изо рва, насыпается между этими стенами и утрамбовывается [так что первая от наружного укрепления стена соответственно ниже, а вторая проводится еще значительно ниже; со стороны города по этим поднимающимся в виде ступеней террасам, как по гладко идущему кверху склону, можно взойти на самое передовое укрепление]. Таким образом стена не может быть разбита никакими таранами, так как ее крепко держит земля, и если допустить, что каким-либо образом будут разбиты камни, то плотно набитая между ними земля наподобие стены, преградит путь нападающим своей массой.

4. Затем надо предусмотреть, чтобы враги не могли, подожив огонь, сжечь ворота города. Поэтому они должны быть покрыты сырыми кожами и железом; но полезнее, как находила древность, было надстроить над воротами выдающееся вперед укрепление. При входе в него устраивается опускная решетка (катаракта), которая висит на железных кольцах и канатах, с тем чтобы, будучи опущенной, она уничтожила тех, кто сюда проникнет. Стена над воротами должна быть устроена так, чтобы были отверстия, через которые сверху можно было бы лить воду и тем загущить подложенный огонь.

5. Перед городом должны быть проведены очень широкие и очень глубокие рвы, так чтобы осаждающие враги нелегко могли их сравнять или засыпать, а если они будут наполнены водой, то не позволят противнику проводить подкоп. Они ведь в двух отношениях препятствуют выполнению этой подземной работы: своей глубиной и тем, что наполненные водой они заливают подкоп.

6. Должно принять все меры к тому, чтобы множество неприятельских стрелков, прогнав с верха укреплений устранных защитников и подставив лестницы, не взобрались на стены. Для этого нужно, чтобы в городе у жителей было возможно больше панцирей или щитов. Затем по бойницам надо протянуть двойные цыновки или козы кикийские ковры, чтобы они задерживали полет стрел; не так-то легко пробивает стрела или дротик то, что качается и уступает удару. Было изобретено и другое средство: плетутся из древесины корзины—их называют «металла»¹, наполняют их камнями, ставят между двумя зубцами стен с таким расчетом, что, если враг станет подниматься по лестницам и чуть-чуть их коснется, он высыпет себе на голову эти камни.

7. Много есть различных способов защиты и осады, о которых я и буду говорить в надлежащем месте. Теперь же надо заметить, что есть два способа проведения осады: один, когда противник, разместив легионы на удобных местах, <беспрестанно внезапными нападениями беспокоит осажденных; другой, когда >он или отрешет от запертых в осаде воду или ожи-

¹ Другое чтение: метелла. Есть конъектура: мателла—ночной горшок (солдатское остроумие).

дает, что они сдадутся от голода, поскольку он не допускает до них никакого продовольствия. При таком плане ведения осады враг, сам оставаясь бездеятельным и в безопасности, изнуряет своих противников. При малейшем подозрении на подобного рода возможность землевладельцы должны старательно свезти в город все запасы продовольствия, чтобы у них самих было изобилие пищи, врагов же недостаток продовольствия принудил бы уйти. Не только свиней, но и всех животных, которых нельзя продержать в заключении, надо зарезать и засолить, чтобы, имея поддержку в мясе, можно было меньше тратить хлеба. Домашняя же птица, которая не требует расходов, кормится в городе и необходима для больных. Особенно нужно запастись фураж для лошадей; чего нельзя увезти, то должно быть сожжено; нужно собрать запасы вина, уксуса и разных плодов и яблок, чтобы ничего из того, что может быть использовано, не оставлять врагу. Разводить сады около домов или устраивать их на площадках столь же полезно, как и приятно. Но малая польза в том, что был собран богатый урожай, если с самого начала не будет установлена при помощи подходящих для этого людей надлежащая раздача провианта в достаточном для здоровья размере: никогда не подвергнутся опасности голода те, которые среди изобилия уже начнут соблюдать умеренность. Часто изгонялась за ворота города невоинственная и по возрасту и по полу толпа жителей, чтобы голод не погубил вооруженных, которыми охранялись стены. 8. Следует заготовить асфальт, серу, смолу, жидкое масло (нефть), которое называют зажигательным (горючим), для того чтобы сжигать машины противника. Для выделки оружия должен храниться в магазинах запас железа и для холодной и для горячей обработки и угля. Пусть будет заранее завезено дерево, нужное для копий и стрел. Пусть старательно будут собраны круглые камни из реки, так как по весу они тяжелее и более удобны для метания; пусть ими будут наполнены все стены и башни; маленькие бросаются из пращей, фустибалов или руками; более значительные кидаются из онагров; самые же большие по весу—те, которые по форме можно катить, поднимаются на бруствер стен, с тем чтобы сброшенные вниз они не только давили подошедших к стенам врагов, но и ломали их машинные сооружения. Делаются также огромные колеса из свежего дерева или цилиндрические обрубки из огромных перепиленных деревьев—их называют талеями; для того чтобы они легко катились, их делают гладкими; они, катясь по склону, внезапным своим падением обычно пугают бойцов [а также коней]. Должны быть всегда под рукой бревна, доски и железные гвозди разной величины. Ведь против машин осаждающих надо заготовлять другие машины, особенно, когда приходится в спешном порядке надстраивать стены или увеличивать высоту боевых зубцов, чтобы подвижные башни врагов не поднялись над стенами и из-за этого город не был взят. 9. Следует с величайшим старанием составлять запас жил, так как онагры, баллисты и остальные метательные орудия не приносят никакой пользы, если их нельзя натянуть канатами или жилами. Также конский волос из грив и хвостов лошадей очень хорошо подходит для баллист. Несомненно, что волосы женщин также очень хороши для подобного рода машин, что доказано на опыте в момент тяжелого положения Рима. Когда Капитолий был осажден, то вследствие постоянного и долгого употребления метательные машины испортились, а запаса жил не было, тогда римские матроны срезали свои волосы и дали их своим сражающимся мужьям; машины были исправлены, и нападение врагов отражено. Эти скромные женщины предпочли на время обезобразить свою голову, но жить свободными со своими мужьями, чем, сохранив украшение своей головы, быть в рабстве у врагов. Нужно также собирать рога и сырые кожи, для того чтобы

сплестать из них панцыри и устраивать разные машины и сооружения¹.

10. Великим преимуществом пользуется город, если внутри его стен имеются неиссякаемые источники. Если природа этого не дала, нужно выкопать колодцы, как бы глубоко ни пришлось их рыть, и вытаскивать воду сосудами при помощи канатов. Но иногда местность, где стоит город, бывает очень сухая, если она защищена горами и скалами; тогда гарнизон, расположенный на холмах укреплений, находит источники вне своих стен, внизу и, прикрывая их со своих бойниц и башен стрелами, достигающими до этих источников, дает возможность водоносам свободно ходить к ним за водой. Если же источник находится вне полета стрелы, но все же расположен на том же склоне, как и город, между городом и источником следует возвести маленькое укрепление, которое называют «бургом», поставить там баллисты и поместить стрелков, чтобы защитить воду от врагов. Кроме того во всех общественных зданиях, так же как во многих частных домах должны быть тщательнейшим образом устроены цистерны, чтобы они служили водоемами для дождевой воды, которая стекает с крыш. Не так легко победит жажда тех, кто находится в осаде, если они за это время могут пользоваться хотя бы незначительным количеством воды, пусть только для питья. 11. Если город стоит у моря и в нем ощущается недостаток соли, то нужно разлить морскую воду по блюдам и другим плоским сосудам; на солнечном припеке она затвердевает в виде соли. Если враг не позволит подойти к воде, так как и это случается, то собирают песок, который во время бури море нагромождает на берегу, промывают его пресной водой, которая, испаряясь на солнце, также превращается в соль.

12. Когда готовится штурм укрепления или города, то этот многослезный бой грозит одинаковыми опасностями и той и другой стороне, но крови он стоит больше осаждающим. Те, которые хотя и ворвались внутрь стен, выстроив свои войска со всякими устрашающими машинами и сооружениями в надежде на сдачу, удваивают внушаемый ужас шумом труб, вперемешку с криком людей: тогда (так как страх более поражает непривычных), если горожане оглушены первым натиском и не знают приемов, как вести борьбу в критические моменты, враги пододвигают лестницы и врываются в город. Если первый натиск отбит людьми, не потерявшими присутствия духа или опытными в военном деле, тогда тотчас у запертых в стенах растет смелость, и бой зависит уже не от испуга, а от сил и искусства. 13. Тогда пододвигаются черепахи (*testudines*), тараны, (*agietes*), шесты с серпами (*falces*), винеи (крытые проходы, *vinei*), плетеные загородки (*plutei*), проломные палатки (*musculi*), башни (*turres*); я расскажу о каждой из этих машин отдельно, как она делается, как с ее помощью сражаются или отбиваются. 14. Черепаха делается из деревянных балок и досок; чтобы она не горела, она покрывается свежей шкурой, киликийским из козьей шерсти ковром или сшитым из кусков покрывалом. Под этой крышей находится шест, к концу которого прикрепляется загнутый железный крюк, от него он и называется серповидным шестом, потому что он загнут; его назначение вырывать из стены камни; иногда его головная часть одевается железом, и тогда он называется гараном или потому, что он имеет твердый «лоб», которым он разрушает стены, или потому, что по примеру баранов он отскакивает назад, чтобы ударить с тем большей силой и стремительностью. Черепаха же получила свое название от сходства с подлинной черепахой, которая то

¹ Ввиду ряда разночтений, последняя фраза вызвала много конъектур. Иногда ее толкуют следующим образом: «надо собирать твердые покрывки и сырые кожи для прикрытия катапульт и других машин и сооружений».

высовывает, то прячет голову: подобно ей, и это сооружение то прячет, то вновь выдвигает «таран», чтобы тем сильнее ударить.

15. Винеями древние называли то, что теперь в солдатском и варварском обиходе называется «каузии»¹. Эта машина собирается из легкого дерева; в ширину она имеет 8 футов, в высоту—7, в длину—футов 16. Ее крыша делается из досок и хвороста в два слоя. Точно так же и бока заплетаются прутьями, чтобы сюда при ударе не проникали камни и копья. Снаружи во избежание пожара от брошенных зажигательных снарядов они покрываются сырыми, только что содранными шкурами или лоскутными покрывалами. Когда этих виней сделано много, они ставятся в ряд, и под их покровом осаждающие спокойно приближаются к укреплениям, чтобы подрывать фундамент стен. «Плутеями» называются машины, которые, наподобие арки, сплетаются из хвороста и покрываются или киликийскими козьими покрывалами или кожами; они двигаются на трех небольших колесах, из которых одно находится посредине, два других ставятся спереди «в головах»; благодаря им это сооружение можно повернуть в любую сторону, наподобие телеги; засев под ними, враги подходят к стенам и, пользуясь этим прикрытием, они стрелами и пращами или же метательными копьями прогоняют всех защитников с бруствера стен, чтобы тем легче получить благоприятный случай и подняться по лестницам на верх стен. Насыпь из земли и дерева воздвигается против стены, с которой бросаются стрелы и копья.

16. «Мускулами» называются сооружения меньшего размера, под покровом которых бойцы уничтожают палисады города. Кроме того они не только заполняют рвы подвозными камнями, деревом и землей, но их утрамбовывают, чтобы подвижные башни без затруднений могли вплотную подойти к стенам. Имя свое мускулы получили от морского животного (рыбалоцман); подобно тому как последние старательно оказывают помощь и содействие китам, несмотря на то, что они значительно меньше их, так и эти маленькие машины, приставленные к большим башням, готовят дорогу для их продвижения и заранее укрепляют ее. 17. (Подвижными) башнями называются сооружения, сделанные из брусьев и досок, по внешнему виду похожие на здания; для того чтобы столь огромное сооружение не было сожжено неприятельским огнем, они очень старательно покрываются свежими кожами и лоскутными покрывалами. Сообразно с их высотой им придается и ширина. Иногда они бывают шириной в 30 футов в квадрате, иногда в 40, а иногда и в 50. Высота их такова, что не только они превосходят высотой стены города, но даже и их каменные башни. Под эти башни по законам механики подводится много колес, катясь на которых и движется это огромное сооружение. Если такая башня будет пододвинута к стенам города, то ему грозит уже непосредственная опасность. В одной такой башне заключается много лестниц, и при их помощи можно различными способами ворваться в город. В нижних ее этажах находится таран, при помощи которого разрушается стена; в середине имеется (перекидной) мост, сделанный из двух балок и заплетенный прутьями; его внезапно выдвигают и помещают между башней и стеной; по нему проходят бойцы из башни, переходят в город и занимают стены. В верхних этажах этой башни помещаются воины с пиками и стрелки, которые с высоты башни поражают защитников города пиками, метательными копьями, камнями. Раз это случилось, город захватывается без замедления. В чем еще можно искать защиты, когда те, кто всю свою надежду полагал на высоту своих стен, вдруг видят перед собой еще более высокую неприятельскую стену?

¹ Слово македонское и значит «шляпа с широкими полями», прикрытия от солнца, крыша (Гезихий).

18. Этому столь явно критическому моменту можно противодействовать многими способами. Во-первых, если можно положиться на воинов из осажденного города, если у них есть доблесть, тогда их вооруженный отряд, сделав вылазку, силой вытесняет врагов; содрав кожи с башни, он поджигает дерево этого огромного сооружения. Если горожане не осмеливаются выйти, они при помощи больших баллист кидают зажигательные стрелы (маллеолы) или горящие копья (фаларики), чтобы, пробив кожи или покрывала, вызвать пожар внутри сооружения. Маллеолы— это те же стрелы; все, во что они вонзятся, они поджигают, так как летят они горящими. Фаларика же похожа на копье и снабжена крепким железным наконечником; между трубкой наконечника и древком она покрыта серой, асфальтом, смолой и обмотана паклей, пропитанной маслом, которое называется зажигательным (нефть); такое копье, брошенное баллистой, прорвав прикрытие, горящим вонзается в дерево, и не раз оно зажигало эту башнеобразную машину. Точно так же, когда враги спят, люди, спущенные по канатам со стен, неся зажженные светильники в лампах, поджигают машины и вновь поднимаются на стену. 19. Кроме того осажденные делают выше ту часть стены, к которой пытаются пододвинуть башню, надстраивая ее при помощи цемента и камней или даже простой глины, кирпича, в конце концов даже забирая досками, для того чтобы враги, действуя с этой башни сверху, не могли оттеснить защитников стен. Ведь известно, что это сооружение делается бесполезным, если оно оказывается ниже стен. Правда, осаждающие в противовес этому придумали следующую хитрость: сначала они строят такую башню, которая кажется ниже, чем бойницы стены; затем тайно внутри этой башни они делают другую, маленькую башенку из досок, и когда машина соприкоснется со стенами, они внезапно при помощи канатов и блоков поднимают кверху из середины эту маленькую башенку; теперь вооруженные, выйдя из нее, так как она выше стен, тотчас же захватывают город.

20. Иногда осажденные выдвигают против движущейся башни очень длинные, обитые железом балки и не допускают ее стать рядом со стеною. Когда однажды как-то был осажден врагами город родосцев и была воздвигнута движущаяся башня выше, чем стены и все башни города, гениальной мыслью одного механика было придумано следующее средство. Ночью под стеною города он сделал подкоп и из-под того места, на которое в следующий день должна была стать башня, незаметно для врагов выкопал и вынес землю, оставив там пустое пространство. И когда эта громада своими колесами вкатилась туда, где была подземная пустота, она села, так как почва не вынесла такой тяжести, и не могла уже больше ни соприкоснуться со стенами, ни двинуться дальше. Так был спасен город, а сооруженная башня брошена. 21. Когда башни подвинуты, то пращники своими камнями, стрелки—дротиками, другие—из ручных баллист и арбалетов (arcuballista), копейщики—свинцовыми шарами и метательными дротиками (missilia) прогоняют людей со стены. Те, кто пытается подняться по лестницам, подвергаются опасности, подобно Капанею, которому приписывается первое изобретение осады городов при помощи лестниц: он был поражен фиванцами с такой силой, что составилось сказание, будто он был поражен молнией. Равным образом осаждающие проникают на стену врагов при помощи самбуки, экзостры и толлена. Самбука называется так за ее сходство с кифарой. Ибо как на кифаре есть струны, так на той балке, которая ставится рядом с башней, есть канаты; по ним с верхней части башни по блокам спускается мост, так чтобы он лег на стену, и тотчас же из башни выходят бойцы, пройдя по этому мосту на стены, нападают на город. Экзострой называется мост, о котором мы говорили выше, так как он внезапно из середины башни выдвигается вперед, на стену. Толлено (рычаг)

называется следующее сооружение: в землю вкапывается очень высокий столб, к нему наверху поперек прикрепляется еще более длинная балка; прикрепляется она посередине в состоянии равновесия, так что, если один край ты будешь опускать, то другой будет подниматься. На одном конце приделывается сооружение из прутьев или досок, куда помещаются несколько вооруженных. Тогда при помощи канатов они подтягивают и опускают один край, а поднятые на другом конце высаживаются на стену.

22. Против этого обычно осажденные защищаются при помощи баллиста, онагров, скорпионов, арбалетов, фустибалов (стрелков), пращей. Баллиста натягивается при помощи канатов из жил; чем длиннее у нее плечи, т. е. чем она больше, тем дальше она посылает стрелу. Если она устроена по законам механики и управляется опытными людьми, которые раньше рассчитали ее силу, то она пробивает все, что поражает. Онагр бросает камни, и вес их пропорционален толщине и величине канатов: чем больше они будут, тем большие камни баллиста мечет, как удары молнии. Ни одно метательное орудие не является более сильным, чем эти два вида. Скорпионами называлось то, что теперь мы называем ручными баллистами; названы они были так потому, что маленькими и тонкими стрелками они наносят смерть. Описывать фустибалы, арбалеты и пращи я считаю излишним, так как они в ходу и теперь. Теми очень тяжелыми камнями, которые бросаются онаграми, могут быть убиты не только кони и люди, но могут быть разбиты и машины врагов. 23. Против таранов и серповидных шестов (*falces*) много всяких средств. Некоторые спускают на канатах покрывки из кусков (центоны) и матрицы (*culcita*) и протягивают их в тех местах, где бьет таран, чтобы удар орудия, ослабленный более мягким материалом, не разбивал стены. Другие, захватив петлей таран при помощи большого количества людей со стены, тащат его наискось и перевертывают вместе с черепахой. Некоторые, привязав канатами железные ножицы или щипцы (*forfex*) с острыми зубьями—они называют это «волком» (*Iurus*)—и захватив ими таран, или переворачивают его или так поднимают, что он не может уже бить. Иногда осажденные бросают со стен постаменты и мраморные колонны, раскачав их, и ими раздавливают тараны. Но если сила таранов такова, что ими пробита стена насквозь и, что случается не раз, даже падает, остается одна надежда на спасение: разрушив ближайшие дома внутри города, воздвигнуть другую стену, так что если враги рискнут проникнуть в пролом, то они погибнут между двумя стенами.

24. Другой способ вести осаду бывает подземный и скрытый; его называют куникулум от имени нор зайцев, которые роют под землей целые пещеры и там скрываются. При участии большого количества народа враги с большим трудом делают под землю ход, наподобие тех шахт, которые бессы, занятые ремеслом добывания золота и серебра, прокладывают, отыскивая жилы этих металлов; устроив такой полый ход, враги строят подземную дорогу на гибель городу. Этот обман совершается при помощи двоякой хитрости. Враги или проникают в город ночью, выйдя из подкопа, и нападают на ничего не подозревавших горожан; открыв ворота, они вводят в город свое войско, а своих противников, пребывающих в неведении, избивают по их домам; или же, бывает, дойдя до фундамента стен, они подкапывают большую часть их, подставив там очень сухие балки, и на время задерживают немедленное падение стены; затем они наваливают хворост и другие легковоспламеняющиеся материалы. И вот, приготовив своих бойцов, они поджигают все это сооружение; когда деревянные подпорки и доски сгорят и стена внезапно рухнет, открывается путь для вторжения.

25. Бесконечным числом примеров доказано, что враги, которые проникли в город, часто бывали уничтожены все до одного. Это, без сомнения, происходит в том случае, если горожане удержали в своих руках стены и башни и заняли в городе более возвышенные места. Ведь тогда из окон и с крыши люди всякого возраста и пола засыпают ворвавшихся камнями и всякими другими видами метательных снарядов; чтобы не пришлось подвергаться этому, осаждающие обыкновенно оставляют ворота города открытыми, чтобы горожане, получив возможность бежать, перестали сопротивляться. Ведь отчаяние создает некоторую необходимость проявлять доблесть. При таком несчастье для горожан одна только надежда—ночью ли, или днем проникнет враг в город—держать в своих руках стены и башни, заняты более возвышенные места и нападать и сражаться с врагами повсюду, по улицам и переулкам.

26. Иногда осаждающие придумывают хитрость и в притворном отчаянии уходят от города очень далеко. Но как только у горожан после пережитых страхов воцарится беспечное успокоение и они оставят охрану стен, то, воспользовавшись темнотою ночи, враги тайно возвращаются со штурмовыми лестницами и поднимаются на стены. Поэтому, когда враг удалился, должна быть проявлена особая бдительность, на самых стенах и башнях должны быть помещены маленькие караульные будки, в которых бы сторожа зимнею порою укрывались от дождя и холода, а летом—от солнца. Практика установила также обычай, чтобы на башнях содержались очень сильные, с хорошим чутьем собаки, которые по запаху чуют приближение врагов и лаем дают об этом знать. Точно так же и гуси с меньшей чуткостью своим криком дают знать о внезапных ночных нападениях. Поднявшиеся на крепость Капитолия галлы собирались навсегда уничтожить имя римлян, если бы разбуженный криком гусей Маллий¹ не отразил их. Благодаря удивительной бдительности или счастью, тех людей, которым предстояло подчинить своей власти всю вселенную, спасла одна птица.

27. Не только во время осад, но и в войнах всякого другого рода особенно важным считается старательно разузнавать все, касающееся привычек врагов, и точно их знать. Иначе нельзя, например, найти удобного момента для засад, если ты не знаешь, в какой час враг прекращает свой упорный труд, когда он оказывается менее осторожным,—а это бывает иногда в полдень, иногда к вечеру, часто ночью, иной раз в то время, когда он принимает пищу, когда воины с той и другой стороны рассеиваются для отдыха или физических потребностей. Когда это начинается в городе, то осаждающие коварно прекращают сражение, чтобы дать возможность широко развернуться вражеской небрежности. Когда она возрастает вследствие безнаказанности, осаждающие, внезапно пододвинув машины или поставив лестницы, занимают город. Поэтому всегда на стенах должны находиться наготове камни и другие метательные снаряды, чтобы, заметив эту засаду, избежавшие на стены имели под рукой что-либо, что они могли бы свалить или бросить на голову врагам. 28. Подобным же засадам могут подвергнуться и осаждающие, если среди них развивается небрежность. Когда они будут заняты или едой или сном, или рассеются от безделья или по какой-либо нужде, тогда горожане внезапно делают вылазку, избивают их, ничего не ожидающих, сжигают тараны, машины и даже разрушают самую насыпь и все сооружения, сделанные им на гибель. Для борьбы с этим осаждающие проводят ров дальше полета стрелы и укрепляют его не только валом и кольями, но и маленькими башнями, чтобы можно было оказать сопротивление делающим вылазку из города: это сооружение

¹ Рукописи дают: Манилий, Манлий (так у Флора и общепринято).

называется лорикула (маленький бруствер). [Часто, когда описывается осада, у историков находится выражение, что город был окружен лорикулой].

[29. Метательные снаряды, пускаемые с высоты, будут ли это свинцовые шары, или копья, дротики, пики, падают сильнее на находящиеся внизу. Стрелы, посланные из луков, камни, брошенные руками, пращами или фустибалами, летят тем дальше, чем выше то место, откуда они брошены. Баллисты и онагры, если старательно управляются людьми опытными, превосходят все другие орудия, и ни доблесть, ни другие укрепления не могут защитить от них бойцов. Как удар молнии, они разрушают или пробивают все, что они поражают.]

30. Для захвата стен наибольшее значение имеют штурмовые лестницы и машины, если они сделаны такой величины, что превосходят высоту городских укреплений. Их размер определяется двояким образом: или к стреле привязывается край тонкой, свободно лежащей льняной нитки; когда эта стрела вонзится в верх стены, то по длине нитки определяется высота стен; или же когда склоняющееся к закату солнце отбрасывает на землю косую тень от башен и стен, тогда незаметно для противников измеряется протяжение этой тени; одновременно вкапывается шест в 10 футов и точно так же измеряется длина его тени. Сделав это, никто уже не затрудняется по тени этого десятифутового шеста найти высоту городских стен, так как известно, какой длины тень отбрасывает предмет той или другой высоты.

Все то, что писатели по военному искусству сообщили относительно осады и защиты городов или что найдено недавним опытом, вызванным необходимостью, — все это я изложил для общей, думаю я, пользы; причем снова и снова я напоминаю, что с наибольшей заботливостью нужно следить, как бы внезапно не выявился недостаток в питье или пище, так как этому бедствию не поможешь никаким искусством. Поэтому в стенах города должно быть собрано как можно больше запасов, так как известно, что время заключения в стенах города зависит от воли и возможности осаждающих.

31. По приказу твоего величества, непобедимый император, окончив указание методов ведения сухопутной войны, считаю, что мне остался еще отдел, касающийся войны на море; при изложении способов ее ведения мне следует быть кратким, потому что уже давно море для нас спокойно, а с варварскими племенами мы воюем только на суше.

Римский народ всегда имел наготове флот ради славы, пользы и величия своего государства, а не вследствие необходимости при каком-нибудь волнении; именно для того чтобы никогда не было такой необходимости, он всегда имел флот в готовности. Ведь никто не решается вызывать на войну или наносить обиду тому царству или народу, который, как он знает, может быстро оказать сопротивление и наказать за эту смелость. Обыкновенно у Мизенского мыса и в Равенне стояло по легиону с флотом, чтобы быть близко на случай защиты города, чтобы, когда того потребуют обстоятельства, без замедления, без объездов они могли двинуться на кораблях во все части света. От флота в Мизенах поблизости находились Галлия, Испания, Мавритания, Африка, Египет, Сардиния и Сицилия. Из Равенны же флот обыкновенно плыл прямо в (оба) Эпира, Македонию, Ахайю, Пропонтиду, Понт, на Восток, к Кипру и Криту, так как в военных делах быстрота обычно приносит больше пользы, чем доблесть.

32. Во главе либурнов, которые стояли в Кампании, находился префект мизенского флота; те же, которые были на стоянке в Ионическом море, имел под своей властью префект равеннского флота. Под их начальством было по десяти трибунов, командовавших отдельными когортами. Но каждая отдельная либурна имела отдельных навархов (капитанов), т. е.

как бы хозяев корабля, которые кроме других обязанностей по кораблю должны были ежедневно заботиться о том, чтобы постоянно проводить упражнения с кормчими, гребцами и воинами. 33. Различные провинции в различные времена имели преобладающее значение в морском деле; поэтому и были корабли различного вида. Но когда Август сражался с Антонием при Акциуме, главным образом благодаря помощи либурнов был побежден Антоний. На опыте этого столь важного сражения обнаружилось, что корабли либурнов более пригодны, чем остальные. Поэтому, взявши их за образец и усвоив их название, по их подобию впоследствии римские владыки создали свой флот. Либурния является частью Далмации с главным городом Ядертиной¹; взяв пример с кораблей этой области, теперь и строят военные суда и называют их либурнами. 34. Если при постройке дома обращается внимание на качества камня и смеси из извести и пёску, то тем более нужно быть внимательным во всех отношениях при постройке кораблей, так как гораздо больше опасности на плохо построенном корабле, чем в доме. Либурны делаются главным образом из кипариса, из домашней и дикой сосны и из ели; лучше соединять их медными, чем железными гвоздями. Хотя расход при этом будет несколько значительнее, но так как это прочнее, то это выгодно; ведь железные гвозди быстро разъедает ржавчина от тепла и влаги, медные же и в воде сохраняют свою основную металлическую основу. 35. Особенно нужно обращать внимание на то, чтобы деревья, из которых должны быть выстроены либурны, были срублены между 15 и 22-м числом месяца. Только дерево, срубленное за эти 8 дней, остается нетронутым гниением и трухлявостью, срубленное же в другие дни дерево еще в том же году, источенное изнутри червями, обращается в пыль; это отметили и само искусство кораблестроения и ежедневная практика строителей; это мы познаем из наблюдений над самой религией, так как только в эти дни угодно было навсегда установить праздники. 36. Самое полезное рубить деревья после летнего солнцеповорота, т. е. в месяцы июль и август, и во время осеннего равноденствия, (т. е.) до январских календ (1 января), ибо в эти месяцы засыхают соки и потому дерево становится более сухим и крепким. Вот чего нужно остерегаться: не распиливать ствол на доски тотчас же после того, как дерево будет срублено, а как только оно будет распилено, не посылать досок на постройку корабля, так как и толстые стволы и уже распиленные доски требуют для большей сухости большого срока времени. Ведь если пускаются в работу сырые материалы, то, когда выходит природный их сок, они ссыхаются и дают очень широкие щели; нет ничего опаснее для плавающих [чем когда доски начинают давать трещины].

37. Что касается величины кораблей, то самые маленькие либурны имеют по одному ряду весел; те, которые немного больше,—по два; при подходящей величине кораблей они могут получить по три, по четыре и по пять рядов весел. И пусть это никому не кажется огромным, так как в битве при Акциуме, как передают, столкнулись между собой гораздо большие корабли, так что они имели по шести и больше рядов весел. К более крупным либурнам присоединяются разведочные скафы, которые имеют на каждой стороне почти по двадцати рядов гребцов; их британцы называют†... просмоленными. С помощью этих кораблей производят внезапные нападения, иногда нарушают свободное плавание и подвоз провианта для неприятельских кораблей и путем выслеживания перехватывают их прибытие и их планы. Чтобы эти разведочные суда не выдавали себя белым цветом, их паруса и канаты окрашиваются в венецскую краску, которая похожа на цвет морских волн; даже воск,

¹ Теперь Зара-Веккиа.

которым обычно обмазывается корабль, окрашивается в ту же краску. Моряки и воины надевают одежду венецкого цвета, чтобы не только ночью, но и днем они, занятые выслеживанием, могли бы остаться незамеченными.

38. Тот, кто плывет с войском на военных кораблях, должен уметь заранее различать приметы бурь и водоворотов. Ведь от бурь и волн либурины гибнут чаще и в большем числе, чем от силы врагов. На эту сторону науки о природе должно быть обращено все внимание, так как природа ветров и бурь выводится из внимательных наблюдений над атмосферой. Море не знает жалости, и если осторожность спасает предусмотрительных, то невнимательных губит небрежность. Поэтому изучающий морскую науку прежде всего должен знать число ветров и их названия. Древние согласно с расположением осей мира признавали только четыре основных ветра, дующих с каждой из четырех частей света, но опыт позднейшего времени установил их двенадцать; их названия для устранения сомнений я привожу и по-гречески и по-латыни, так чтобы, указав сначала главные ветры, я мог затем перечислить те, которые связаны с ними справа и слева. Начнем с весеннего солнцеповорота, т. е. с восточного края, откуда дует ветер афелиотес, т. е. подсолнечный (восточный); справа к нему прилегает ветер кэкиас (*κακίας*), или эвро-борей (северо-восточный), а слева эвр, или Вултурн. Южным краем владеет Нот, или Астр; справа к нему прилегает Левконот, т. е. белый Нот, а слева—Либонот, или Кор. Западный край занимает Зефир, т. е. подвечерний; справа от него дует Липс¹, или африк, слева Иапинг, или Фавоний². Наконец, северный край достался на долю Апарктиасу³, или северному; с правой его стороны поднимается Фрасциас⁴, или Цирций, а слева Борей, т. е. Аквилон. Эти ветры часто дуют по одному, иногда два вместе, во время же больших бурь дуют и три; под их порывами моря, которые сами по себе тихи и спокойны, поднимают сильное волнение и становятся жестокими; от их дуновения, в зависимости от времени и места, вместо бури наступает ясная погода, и, наоборот, ясная погода превращается в бурю. При благоприятном направлении ветра флот достигает желанной гавани, при противном ветре он должен стоять на яоре, или плыть назад, или бывает принужден выдерживать опасную борьбу. Поэтому не так легко подвергается кораблекрушению тот, кто внимательно изучил характер ветров и следит за ними.

39. Следует затем вопрос о месяцах и днях. Могучее и гневное море не позволяет спокойно плавать по нему в течение всего года; но некоторые месяцы особенно удобны, в некоторые из них плыть рискованно, а в остальные по природным условиям море недоступно для кораблей. По окончании Пахона, т. е. после восхода Плеяд, с 25 мая до восхода Арктура, т. е. до 16 сентября, плавание считается спокойным, так как благодаря лету резкость ветров умеряется; после этого времени до 11 ноября плавание сомнительно и грозит большими опасностями, так как после сентябрьских ид (13 сентября) поднимается Арктур, могущественнейшая звезда, несущая с собой самые сильные бури, а 24 сентября, в день равноденствия, бывает жестокая буря, около 7 октября появляется дождливое созвездие Козерога, а 11-го того же месяца—созвездие Тельца. Но начиная с ноября плавание решительно мешают частыми бурями закат зимних Плеяд (Вергилий). От 11 ноября до 10 марта моря для плавания закрыты. День очень короткий, ночь длинная, на небе густые тучи, воздух сумрачный, жестокая сила ветров, удвоенная дождем или снегом, не только прогоняет вся-

¹ Вероятно: «дождливый».

² «Благодатный».

³ «От Северной Медведицы».

⁴ От имени Фракий (?). См. Витрув., I, 6, 10. Если общепринятое толкование «Фракийский» правильно, то этот ветер был ветром Малой Азии.

кий флот с моря, но даже валит тех, кто идет сухим путем. После же, если можно так сказать, дня рождения судоходства, который во многих городах справляется торжественными играми и общественными зрелищами, вследствие влияния многих созвездий и с точки зрения самого времени вплоть до самого 15 мая (майских ид) все еще опасно бывает плавать по морям, но не потому, чтобы это пугало деятельную энергию купцов, но потому что, когда войско плывет на либурнах, тут должна быть проявлена большая осторожность, чем когда на смелое плавание преждевременно толкает частная нажива. 40. Кроме того восход и закат также и некоторых других созвездий вызывают очень сильные бури. Хоть во всех этих случаях свидетельства писателей указывают нам определенные дни, но так как многое меняется по различным причинам и надо твердо помнить, что вследствие нашей человеческой близорукости мы не можем знать всех причин небесных явлений, поэтому наблюдения над всем, что нужно для плавания, разделяются на три части. Известно, что буря может произойти или в точно определенный день, или раньше его, или после него. Те, которые происходят раньше срока, названы греческим термином *προχειμάσειν*¹, происходящие в назначенный день—*χειμάσειν*², те же, которые происходят после этого срока, — *μεταχειμάσειν*³. Но перечислять все поименно мне кажется ненужным и длинным, так как очень многие авторы старательно изложили не только все, что относится к каждому месяцу, но даже и к каждому дню. Движение тех звезд, которые называются планетами, всякий раз когда они по воле бога-творца предписанным путем приближаются к созвездиям или отдаляются от них, также очень часто служит причиной перемены светлой погоды на сумрачную. Что дни новолуний полны бурь и больше всех других страшны для плавающих, это отмечено не только опытными моряками, но даже известно и простым людям. 41. Есть много примет, которые в тихую погоду предвещают бури и во время бурь указывают наступление спокойной погоды; но все это, как в зеркале, показывает лик луны. Красноватый цвет его указывает на ветер, голубоватый указывает на дождь; смешанный из того и другого предсказывает проливные дожди и бешеный шторм. Веселый и ясный лик обещает морякам ясную погоду, такую же, как и лик луны, особенно если это четвертый день со дня ее восхода, если рога ее не заострены, она не имеет красноватого оттенка и свет ее от испарений не является мутным. Также большая разница, как восходит солнце или как оно скрывает день, бросает ли оно весело прямые лучи, или меняется от набегающих туч, сияет ли оно обычным своим блеском, или оно под влиянием ветров—огненного цвета; не должно оно быть и бледным или с пятнами, так как это предсказывает близкий дождь. И воздух, и само море, величина и форма облаков дают указания опытным морякам. Некоторые указания дают птицы, некоторые—рыбы; это, можно сказать, божественным прозрением понял Вергилий в своих «Сельских поэмах», это старательно изложил Варрон⁴ в своих книгах, описывающих плавание по морям. Если кормчие говорят, что они это знают, то они знают это лишь постольку, поскольку их научил ненаучный опыт, а не дала в их руки высшая наука.

42. Море, как стихия, составляет третью часть мира; кроме волнения, которое производят на нем ветры, оно само дышит и движется. В определенные часы дня, а равно и ночи оно в некоем стремительном течении, которое называют (по-гречески) реума, двигается вперед и назад и по обычаю стремительно текущих рек то заливают земли, то уходит в свою

¹ Наступать раньше зимы, бури.

² Зимовать, отсиживаться от бури.

³ Быть после зимы, бури.

⁴ Публий Теренций Варрон, а не его знаменитый современник Марк.

глубину. Эта двойственность меняющегося течения, будучи попутной, помогает плаванию кораблей, при противном течении задерживает их ход. Собираясь сражаться, надо избегать этого с величайшей осторожностью. Стремительность прилива и отлива нельзя преодолеть силою весел; иногда сам ветер уступает ей. И так как в различных местностях, при различных фазах прибывающей и убывающей луны, в определенные часы изменяются прилив и отлив, то собирающийся вести морское сражение должен до столкновения хорошо узнать природу моря и места. 43. Дело уменья матросов и кормчих—хорошо знать те места, по которым они собираются плыть, и находящиеся здесь заливы, так чтобы они могли избежать опасных мест, скрытых и выдающихся подводных камней, отмелей и песчаных банок. Чем глубже то море, по которому он плывет, тем более спокойно он может идти этим путем. От навархов (капитанов) прежде всего требуется осмотрительность, от кормчих—опытность, от гребцов—сила их рук, потому что ведь морская битва происходит обычно при спокойном море и либуэрны, как бы огромны они ни были, двигаясь не дуновением ветра, а ударами весел, своими носами поражают противников и в свою очередь избегают их нападения, а в этом случае победу дают сила рук гребцов и искусство управляющего рулем.

44. Много различного рода оружия нужно для сухопутного сражения. Но морское сражение требует не только многих видов оружия, но и машин и метательных орудий, как будто бы бой шел у стен и башен. Действительно, что может быть более жестоким, чем морское сражение, где люди гибнут и в воде и в огне. Поэтому должна быть проявлена особая забота о том, чтобы моряк был хорошо защищен, чтобы воины были в бронях или панцырях, со шлемами, а также в поножах. На тяжесть оружия никто не может жаловаться, так как во время сражения на кораблях стоят на месте; также и щитами пользуются более крепкими вследствие необходимости защищаться от ударов камнями и более крупными. Кроме серпов, крючьев и других видов морского оружия они направляют друг против друга копьа и метательные снаряды в виде стрел, дротиков, камней из пращей и фустибалов, свинцовые шары, камни из онагров, баллист, маленькие стрелы из скорпионов. Еще более опасным является сражение, если воины, мечтая о доблестных подвигах, подплывут на своих либуэрнах к неприятельскому кораблю и, перекинув мост, переходят на него и там вступают в рукопашный бой с мечами в руках, как говорится, грудь с грудью. На более крупных либуэрнах устраиваются бойницы и башни, чтобы им можно было с более высоких палуб, как будто со стен, тем легче нанести раны и убивать врагов. Горящие стрелы, пропитанные зажигательным маслом (нефтью), обмотанные паклей с серой и асфальтом, они мечут баллистами, вонзают их в корпус неприятельских кораблей и сразу поджигают доски, пропитанные столь большим количеством легко воспламеняющегося материала, как воск, смола, вар. Одни погибают от меча и камней, другие среди волн должны сгореть в огне; однако среди столь многих родов смертей есть один самый ужасный случай, когда трупы убитых, не получившие погребения, поедаются рыбами. 45. Наподобие сухопутных сражений, бывают и здесь внезапные нападения на малоопытных моряков, или устраиваются засады поблизости от удобных для этой цели узких проходов у островов. Это делается для того, чтобы тем легче погубить неподготовленных. Если матросы врагов утомлены долгой греблей, если на них дует противный ветер, если волны идут против хода их корабля, если враги спят, ничего не подозревая, если стоянка, которую они занимают, не имеет (другого) выхода, если представляется желанный случай для сражения, то к благодеяниям судьбы надо присоединить силу рук и, воспользовавшись удобным обстоятельством, начать сражение. Если

осторожность врагов дала им возможность избежать засады и заставляет вступить в бой в открытом море, тогда нужно выстроить боевые линии либуρν, не прямые, как на полях битвы, но изогнутые, наподобие рогов луны, так чтобы фланги выдавались вперед, а центр представлял углубление, как бы залив. Если бы враги попытались прорвать строй, то в силу этого построения они были бы окружены и разбиты. На флангах поэтому должны быть помещены главным образом отборные корабли и воины, составляющие цвет и силу войска. 46. Кроме того полезно, чтобы твой флот всегда стоял со стороны свободного глубокого моря, а флот неприятельский был прижат к берегу, так как те, которые отеснены к берегу, теряют возможность стремительного нападения. В подобного рода сражении, как доказано, три вида оружия особенно полезны для одержания победы: это—ассеры (стенобитные балки), шести с серпами и секиры. Ассером называется тонкая и длинная балка, наподобие реи, висящая на канате; оба края ее обиты железом. Подойдут ли к неприятельскому кораблю справа или слева, эту балку с силой приводят в движение, как таран, и она уверенно валит с ног неприятельских воинов и матросов и очень часто пробивает самый корабль. Серпом называется очень острое железо, изогнутое, наподобие серпа; оно насаживается на очень длинные шести и внезапно подрезает канаты, на которых висят реи; когда паруса упадут, то либурна становится неповоротливой и бесполезной. Секирой называется топор, имеющий с обеих сторон очень широкое и острое лезвие. При помощи их в пылу сражения очень опытные моряки или воины на маленьких челноках тайно перерубают канаты, которыми привязаны рули неприятельских судов. В этом случае корабль сейчас же становится как бы невооруженным и потерявшим всякую свою силу; ведь какого же еще спасения ждать кораблю, который потерял руль?

О крейсерах (*lusoriae*), которые теперь на Дунае несут ежедневную сторожевую службу в качестве пикетов, думаю, говорить нечего, так как очень частое практическое их применение сделало в этом искусстве больше открытий и усовершенствований, чем могла нам показать старинная наука.

Перевод С. П. Кондратьева

УКАЗАТЕЛЬ

- Август (император) I, введ., 8, 27; II, 3, 5, 7; IV, 33.
 Августалы II, 7.
 Австр (ветер)=ног IV, 38.
 Агримензоры III, 8.
 Адриан (император) I, 8, 27.
 Аквилон (=север) IV, 38.
 Акробаллисты см. *Арбалет*.
 Актеры (как—), II, 24.
 Аксиум IV, 33, 37.
 Аланы I, 20; III, 26.
 Албин III, 10.
 Амброны III, 10.
 Антесигнаны см. *Передовые отряды*.
 Антиох III, 24.
 Антоний IV, 33.
 Апарктиас (север) IV, 38.
 Арбалет II, 15; IV, 21, 22.
 Арка III, 7.
 Арктур (созвездие) IV, 39.
 Асфальт (*resina*) IV, 8, 18, 44.
 Атилий (Регул) III, введ.
 Атлет II, 24.
 Атмосфера см. *Воздух*.
 Аттестат II, 3.
 Афелиотес (восточный ветер) IV, 38.
 Афинянин I, 8, 28; III, введ.
 Африк (ветер) IV, 38.
 Африка III, 10, 23, 24; IV, 31.
 Афры (=пунийцы) I, 1.
 Ахея IV, 31.
 База IV, 23.
 Базилика (для военных упражнений) II, 23.
 Балеарские острова I, 16.
 Баллиста II, 2, 10; III, 3, 24; IV, 9, 10, 18, 22, 29, 44.
 Бани I, 3.
 Бараки II, 10; IV, 17.
 Башня II, 11, 25; III, 5, 24; IV, 2, 8, 10, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 25, 26, 28, 30, 44.
 Бебры (копье) I, 20.
 Бег см. *Кампикурсионы*.
 Белый ног (ветер) IV, 38.
 Бенефициари II, 7.
 Бессы II, 11; IV, 24.
 Битум см. *Асфальт*, нефть.
 Бич III, 5.
 Блок IV, 19, 21.
 Боевой строй—много раз; особенно: III, 13.
 Бок (фланг, *latus*) I, 11, 12, 20; II, 23; III, 6, 16, 20, 26; IV, 2, 15.
 Болото III, 2, 6, 9, 10, 13, 18, 20; IV, 1.
 Больные II, 7, 10; III, 2; IV, 7.
 Борей (ветер) IV, 38.
 Британцы IV, 37.
 Бург (укрепление) IV, 10.
 Буцина II, 7, 22; III, 5, 25.
 Быки (для перевозки) II, 25.
 Вал I, 21; II, 10, 18, 25; III, 8, 10; IV, 28, см. *Насыпь*.
 Варвары, -рский I, 16, 20, 21; II, введ., 2, 18; III, 5, 10; IV, 15, 31.
 Варрон IV, 41.
 Ведомости II, 19.
 Вергилии см. *Плеяды*.
 Вергилий IV, 41.
 Велиты III, 16, 24.
 Венеты IV, 37.
 Веник (как цель) II, 23.
 Верблюды III, 23.
 Верикулум II, 15.
 Верутум II, 15; III, 14; IV, 29.
 Вестовой III, 10.
 Ветер II, 23; III, 11, 14, 23; IV, 38, 41, 42, 43.
 Винеи II, 25; IV, 13, 15.
 Вино III, 3; IV, 7.
 Вода I, 2, 10, 22; III, 1, 2, 3, 6, 7, 8; IV, 4, 7, 10, 11.
 Водопровод II, 10.
 Водяные часы (так наз. *клепсидра*) III, 8.
 Вожак (слонов) III, 24.
 Воздух III, 2; IV, 23, 39, 41.
 Вожжи III, 7.
 Возница II, 24.
 Волны (на реке и море) III, 7; IV, 34, 37, 38, 44.
 Волос (конский) III, 14; IV, 9 (женские).
 Воск IV, 37, 44.
 Воспламеняющийся материал IV, 24, 44.
 Восстание III, 1.
 Восток I, 23; III, 24; IV, 31, 38.
 Врачи II, 10; III, 2.
 Временная стоянка III, 8, 18.
 Всканивание на коней I, 18.
 Вспомогательные отряды II, 1, 2, 3, 9, 23; III, 1, 4, 8, 9, 10, 25; IV, 33.
 Вультурн (ветер) III, 38.
 Выступ IV, 2.
 Вьючное животное II, 10; III, 6.
 Галнарии I 10; III, 6.
 Галерея II, 23.
 Галлия, галлы I, 1; II, 2; III, 10; IV, 31.
 Ганнибал I, 28; III, введ., 24.
 Гарнизон III, 3, 6, 7, 8, [26]; IV, 7.
 Гарпагон (крюк) II, 25; IV, 44.
 Гастаты I, 20; II, 2, 8, 15; III, 14.